

Глук. Гекрасол

Библиотека
Классиков
русской
литературы

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

Н. А. НЕКРАСОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 9

Оформление художника
Н. К Р Ы Л О В А

ПОЭМЫ

СОВРЕМЕННОСТИ

Часть первая

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг-читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клевещет наш зоил.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл;

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово «юбиляр»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендии... медаль...
Аренда... памятник... обед...
Обед... обед... О враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит спич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет...»
«Ликуй, Орел!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привет...»

Не мало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечечь,
А вот листок: одно — «ура!..»
Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:
Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

Зала № 1

В первой зале все в мундирах,
В белых галстуках, стоят.
Юбиляр-администратор
Древен, весь шитьем залит,

Две звезды... Ему оратор,
Тоже старец, говорит:
«Ты отец! До населенья
Добр и милостив ты был,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты герой — до кассы частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!..»

Вдруг курьер вошел, сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик...
Я сделал шаг... открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали много лет!
Герою подносили
Магницкого портрет:
Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей...

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две брильянтовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...
Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.
(Были тут и лицеисты,

И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et caetera...¹⁾

— Чудо! — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный.
Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней губы
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,
Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевили посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутком Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.
Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век иной,
Был бы он шутком придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки! —
Восклицает князь Иван —

¹ И так далее (франц.).

Надо sprыcнуть... sprыcнуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Нет, поcтой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... *и камни говорят!*
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван;
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вослед за командиром,
Приложились юнцы
К бриллиантам и сапфирам...

— На колени, молодцы!
Гимн!..

Глядит умильным взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
Одна утеха.

Восторга крик,
Порыв блаженства...
Мадам Жюдик
Верх совершенства!

«...Первоприсутствуя в сенате,
 Радел ли ты о меньшем брате?
 Всегда ли ты служил добру?
 Всегда ли к истине стремился?. »

— Позвольте-с! —

Я посторонился
 И дал дорогу осетру...

Большая зала... шума нет...
 Ученое собрание,
 Агрономический обед,
 Вернее — заседание.
 Встает известный агроном,
 Член общества — Коленов
 (Докладчик пасмурен лицом,
 Печальны лица членов).
 Он говорит: «Я посвятил
 Досуг мой скотоводству,
 Я восемь лет в Тироле жил.
 Поверив превосходству
 Швейцарских, английских пород,
 В отечестве любезном
 Старался я улучшить скот
 И думал быть полезным.
 Увы! напрасная мечта!
 Убил я даром годы:
 Соломы мало для скота
 Улучшенной породы!
 В крови у русской клячи есть
 Привычка золотая:
 «Работать много, мало есть» —
 Основа вековая!
 Печальный вид: голодный конь
 На почве истощенной,
 С голодным пахарем... А тронь
 Рукой непосвященной —
 Еще печальней что-нибудь
 Получится в итоге...
 Покинул я опасный путь,

Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

— Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закрыть собрания наши! —
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром): —
Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!
Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...

«Закройте! закрыть, хотя и жаль! —
Решило все собрание: —
И дать Коленову медаль:
«За ревность и старанье».

«Ура!.. Подписку!»... Увлечлись —
Не скупко подписали,—
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасный пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну, как камень,
Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо - результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...

Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил...»
Лакей суровый
Дверь захлопнул, как назло.

№ 7

Я вперед... Из залы новой
Мертвечиной понесло...
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господин Ветхозаветный
Говорит:

«Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец
Отозвался и Тяпушкин,
Скромный труженик-певец:
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.
Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

— Прочитай-ка хоть кусочек! —
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец;
Где иной считал бы звезды,
Он...» — Читай же! — Начал чтец:

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ЮНОШИ ТЯПУШКИНА,
БЕДЕННЫХ ИМ ВО ВРЕМЯ РАЗЪЕЗДОВ ЕГО ПО РОССИИ
ПО ДЕЛАМ ОТЦА

(Найден случайно между оберточной бумагой
в лавке купца С. С. Подтекина,
подлинник — собственность Зосима Терентьевича Ветхозаветного)

На реке на Свири
Рыба, как в Сибири,
Окуни, лини
Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
Дядей был прибит...

— Превосходно! поэтично!.. —
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерично, —
Замечает журналист. —
То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!» —
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Приложил — и, к делу рьяный,
Примечание строчит:
«Отморозил ноги — *пьяный*
И — *за пьянство* был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской...
Да! «веселье Руси — пить»!..

Прим ред.

«Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

— Не снабдите ли портретом? —

«Дорогонько... погляжу...
Случай редкий! Мы России

Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над ї;
Можно будет в духе «Миши»
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..
Позавидует Бартенев,
И Семевский затрешит,
Но заметку сам Тургенев
В «Петербургских» поместит...»

— Верно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!
Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!
Дальше, дальше поскорей!..

«Путь, отечеству полезный,
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед Бездной,
Ты...»

Татарин нелюбезный
Двери круто затворил;
Несмотря на все старанья,
Речь дослушать я не мог,
Слышал только лобызанья,
Да «ура!..», да «с нами бог!..»

«Были вы вчера студенты,
Нынче — граждане! — гласит
Дослужившийся до ленты
Старичок: — Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения — в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши, степенней,
Ретрограднее отцов!
Есть ли в мире что презренней
Агитаторов-глупцов?
Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы,
Распростерли им объятья,
Уготовали венцы!
Всюду — страшно молвить даже! —
Им поддержка, им почет...
Стань же, юноша, на страже!
Будь отечества оплот!
Будь семьи руководитель,
Злу не дай торжествовать,
Заблуждается родитель —
И родителя попятить!..
Блага жизни вам дадутся.
Лишь нейдите по стопам

Тех, что дерзко предаются
Анархическим мечтам!
Им готовит провиденье,
Вместо власти и венца,
Одиночество, забвенье
И — изгнание без конца...»

№ 10

«Получай же по проценту! —
Говорит седой банкир
Полицейскому агенту: —
В честь твою сегодня пир!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;
От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит спич:

«Свои законы
Есть у века, господа!
Как пропали миллионы,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья:
Потерять последний грош —
Ни пропажи, ни участия,
Хоть повесься, не найдешь!
А украдут у банкира
Из десятка миллион —
Растревожится полмира...
«Миллион!..» Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многokrатно возвестят,
Обозначат каждый прыщик...
И глядишь: нашелся вор!
На два дня банкир и сыщик —
Самый модный разговор!

Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ...
Уж терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш!..»

№ 11

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская пляда
Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальной зале...

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны,
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один проказник:

— Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...—
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится
Народ наизный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
Ее призвание —
Служить народу!

Слышен голос — и знакомый —
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то сосиской
Произносят приговор.
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду мнение без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюды,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд...

Часть вторая
ГЕРОИ ВРЕМЕНИ
Трагикомедия

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто ж они — с моим чуланом
Рядом — пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,
В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы —
Савва Антихристов, — спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак.)

— Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!
Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.

Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

«Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину..

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня, как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свинья щетинка!»

Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
— Кто ты? — «Я — Федор Никифоров Шкурин».

(Обращается к Шкурину.)

Чокнемся! Выпьем, Христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют.)

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки, с одним «глазомером»,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,

Брали морошку, опенки солили
И говорили: «Нейдем в кабалу!»
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут «рабочего».
Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —
Всё откупил у помещика,
«Всё — до последнего лещика!»
(Как энергически сам говорит).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом понизился труд!..

Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я между тем,
Покамест здоровье подрядчика пили,
Успел присмотреться ко всем:

Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебеи, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрязшие в тине долгов
(То имя, что деда в безумной отваге
Прославили — гордость страны —
Они за пай подмахнут на бумаге,
Нестоящей трети цены)...
Сидели тут важно, в сознании силы
«Зацепы» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацепы был мрачен, а Савва сиял).
Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные —
Тут было с десятков менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища их.
Зацепы — красивый старик белокудрый,
Наживший богатство политикой мудрой, —
Был сборища главным вождем.
Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два инженера — с ученым значком —
Его окружали почетною свитой.
Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
В коммерческом мире великую славу
И львиную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Недаром он в каждом правленьи сидит...
Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятью привлечь —
Пойдет как по маслу!..

Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
Меняло — писклива была его речь:

«Мм. гг.

Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятия железнодорожные,
Банки тоже не бойко идут:
«Половину закрыть не мешало бы!» —
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Все обдуманно — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.

*(Пауза. Выпив глоток воды,
оратор продолжает с одушевлением.)*
Мысль — «Центрального дома терпимости»,
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношение к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все, кутящие ныне вразброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.

Будет много у нас подражателей,
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...»

— В тихом омуте водятся черти! —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затеи менял
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали мненья Зацепы-столпа.
«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново... странно... до дерзости смело...
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...»

«Браво!» Залп громоподобный...
На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный
Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!» —
Он язвительно сказал.
Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слыхал,
Я заснул...

Мне снились планы
О походах на карманы

Благодушных россиян,
И, ощупав мой карман,
Я проснулся...

Шумно... В уши
Словно бьют колокола,
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жжёнку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
— Выпьем, Борух! Будем братьями! —
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил... Все пьяно!..

Я понял: кончили дела
И нараспашку закутили.
Одни сидели у стола,
Другие парами ходили.
Сюда пришел и князь Иван ¹
И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жжёнку

См. часть 1-ю. «Юбиляры и триумфаторы», зала № 3-й. (Прим.
Н. А. Некрасова.)

И мимо шедшим посылал
Свои любезности вдогонку.
Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
— С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен?
«Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись до упаду,
Другие хмурились... Журча,
Лился поток суждений, споров...
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа...

1-й г о л о с

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах,
Знай наладил: Цах да Цах!
Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на мель в море
И на суше не топил.

2-й г о л о с

(князя *Ивана*)

Чул как орут: «Казаны!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...
Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3-й г о л о с

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал,
У сонных сосчитывал ноги,

Чтоб видеть: придется иль нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Г о л о с к н я з я И в а н а
(кому-то навстречу)
Сотню рублей серебра
В день получаю...
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность.)
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги;
Надо врачей насажать
На протяженье дороги,
С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвесть
С левого боку кладбища.
Так-с! Выражаясь точнее,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того чтоб зевать,
В наших пустынях унылых —
Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Д в о е (4-й и 5-й)
(проходя мимо двери, негромко)
— Вам дадут паи строители,
Я готов держать пари

На тысчонку! Не хотите ли? —
«В чем же дело, говори!»
— Это — путь из самых прибыльных,
Но ведь это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь? —
«Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Г о л о с к н я з я И в а н а
(кому-то вдогонку)

Пестрый галстук с черным фракком,
Ряд нечищенных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден,
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден,
И по глупости — подлец!

6-й г о л о с

За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?
Ведь я не отрицал у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радина милей!
Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должно нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

Г о л о с к н я з я И в а н а
(кому-то навстречу)

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,

Он живет бессменно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полунемец, полугрек,
Получает *сто четыре...*
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня.
Я и сам все наши банки
Облечу в течение дня!

7-й г о л о с

Человека накачали
И забыли... Как тут быть?
Если нет цыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

Г о л о с к н я з я И в а н а

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8-й г о л о с

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

Г о л о с к н я з я И в а н а (кому-то вдогонку)

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;

Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

9-й г о л о с

...Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейной такое есть здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатою помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, посевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Воскличал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение:
Без лишения прав заключение.
Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-й г о л о с

Печать? У ней строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званию...
Как?! под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й г о л о с

Не щадят ни заслуги, ни звания!
Адвокатам одним только рай:

За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Г о л о с к н я з я И в а н а

(кому-то вдогонку)

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!
Чу! призыв к войне!
Брошены парады,
Дети в бой идут,
А отцы подряды
На войска берут...
Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим прусак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
— Мне «товарища на вере»
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентах» заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был

Ты — художник по натуре...
«Нежелательно прослыть
Подставным в литературе...»
— Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся!—

Еврей

Отвечает, убежденно
Начиная уступать:
«Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык...»
— Тут нужна лишь добродетель!—
Воскликает биржевик...

— Дай еще им пять бутылок!—
Испустил внезапный крик
Некто — стриженный затылок,
Голова «à la мужик».
Рост высокий, стан не гибкий,
А лицо... странней всего,
Как не высекли ошибкой
По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тароватому затылку
Лестью выпалил в упор!

— Сколько вы божьих храмов построили!
— Сколько выдали замуж невест!
— Сколько вдов и сирот успокоили!
— Сколько роздали пенсий и мест!
«А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков! —
Поправляя очки свои синие,
Заключил запевало льстецов: —
На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам,
Были люди в Европе, в Америке,
А таких не встречалось и там!»

— Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Восклищал осовевший герой, —
Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И вскочили «орлы» его верные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).
С телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ездит и ест,
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой?..
Есть, однако, и мнение противное:
Говорят: у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят: он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.
Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смирные,
Обрывают их с него

И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрот!

Г о л о с к н я з я И в а н а
(навстречу вновь вошедшему)

А! Авраам-изыскатель!
Мимо прошел: не узнал,
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал...

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети, купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделась в шубку,
Янкель за шапкой бежит,
Едут смотреть на покупку —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность все ниже и ниже,
Множество кочек и ям.
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехав к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» — снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля... без гроша...
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин!..

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию сыскал,
Все обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со ста,

И воскликнул генерал:
«*Это — очень просто!*»

Г о л о с к н я з я И в а н а

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине нипочем.
Добиваясь генеральства,
Мнит высоко о себе.
«Плутоватость и нахальство» —
Два словца в его гербе.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Все равно что резать сонных —
Обирать народ!

Слышны толки: «Леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,
А у местного вопросы
«Всесословные» в ходу,
Граф Давыдов, князь Лобанов
В центре этого кружка
Излагают пользу планов,
Не удавшихся пока.
«Вся беда России
В недостатке власти!» —
Говорят витии
По сословной части.

— Мало толку в словопренье, —
Грянул некто Хватунов, —
Лучше петь об орошении.
(Был уж он давно «готов».)

ПЕСНЯ ОБ «ОРОШЕНИИ»

Комитету «Поощрения
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошения
Наших пашен и лугов

Предложил я: снарядили
Две комиссии в наш край
И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

Я поехал за границу,
Пожуировал; затем
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось, между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

— При ближайшем наблюденье,—
Отвечаю в комитет:—
Нахожу, что в орошение
В нашем крае — нужды нет,

Труд притом безмерно дорог...—
Согласились: нет нужды!
А задаток — тысяч сорок —
За посильные труды

Комитет — не без участия
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я *оросил*..

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил

И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандер был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...
Вот другой — слывет за чудот:
Говорун и остро слов,
(«Леонид» — ему покуда
Кличка у тузсв.)

Он *машинным красноречьем*
Плутократию дивит,
Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Загудит: поднимет лай,
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом толпу задавать.

Предпочтя ученой славе
Соблазнительный металл,
Леонид сперва при Савве
На посылках состоял,
Подавал ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Знал к редакторам лазейки,
К представителям суда,
Составлял «записки», «мнения»,
Сплетни прессы отражал
И в директоры правленья,
Наконец, попал!
Тут уж торная дорога:
Нахватав десяток мест.
Как за пазухой у бога,
Он живет; по-барски ест,
На балы к концессионерам
Возит куколку-жену
И поет акционерам
Вечно песенку одну;
Смысл известный: «дивидендов
Нет покамест — ожидай!
И не медля шесть процентов
Нам в награду отчисляй!»
Кризис: дело не спорится,
Денег нет, должны кругом,
В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристав: кассу запирает,
Мебель штемпелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:
«Мат, конечно, предпринятью,
А правленью — не беда!
Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»

Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли
И на помощь аферистам
Силу знания принесли.
Всякий план, в основе шаткий,
Как на сваях утверждают:

Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,
Есть один намек о ней,
Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк»... «Забытый край»...
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из края,
Этнографией блеснут,
И статистика такая...
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический,
И важнейший, наконец,
С точки зренья стратегической
Аргумент — всему венец!..

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.
Новый туз-богач — в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
С податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Преисполнились сердца,

Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы
По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни наконец:
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! изваяй
Гарантию и субсидию,
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне,
И другие пришлецы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы..

Беседа кипит, не смолкая,
И льется рекою вино,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепин в ударе, как воду,
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актер.
Веселый толстяк, краснорожий,
Хохочет Иванушка-шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,

Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величье помешался
Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному респекту —
Торжественность в осанке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется он — в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, насупив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иванович Грош —
Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет,
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут,
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте,

Слышит — кто-то говорит:
— Нужно завтра акций двести...
«На наличность? на кредит?..»
По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,
Где услышал слово: лопнул.
«Кто? Какой торговый дом?..»
— Лопнул — шар!..— Зимою в санках
Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в банках,
Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный,
Он заряжен! С виду шут,
Он неспроста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!
Что вам нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, дом,
Капитал?.. Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!
Честолюбье ль вас тревожит?
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орден!
По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,
Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня,
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять рыщет по трущобам,
Ищет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;

До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,
В час — в приюте малолетних,
Где молебен и отчет.
В два — за завтраком с кокоткой
(Он — кокоток первый друг),
С трех — на бирже... День короткий —
Пообедать недосуг!
Вечер: два, три комитета,
Оперетка и балет,
И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет!

Тише!.. новый гость явился;
Все вскочили, сам барон
Клоппенгорст пред ним склонился,
Подав руку... Кто же он?

Кто он? Действуя практически,
Я обязан умолчать,
Но могу аллегорически
Петухом его назвать.
Нет вернее аттестации:
Золото клюет —
Возвращает... ассигнации!
Плавнo он идет
С видом скромного достоинства:
Словно пред вождем
Дрессированное войнство,
Смолкло все кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдал, —
Пошутил с Эдуардом Иванычем:
«У! как бледен! Опять пошалил?»

— Испугался проекта Дерницына:
Об общественной пользе поет,
А в душе — идеалы Плотицына!
Зазевайся —».

А затем неизвестность полнейшая!
К сожаленью, беседа дальнейшая

Шла вполголоса... «Время на бал!—
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
На минуту сел,
И тогда четыре слова
Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели,—
Савве он сказал,—
Нужно выждать: не созрели...»
И, допив бокал,
Вышел...

Экс-писатель бледнолицый
Появился Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Вожделений плутократа,
Так сказать, апофеоз
Совмещал в себе фон Руге:
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж!—
Говорят ему витии,—
Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
Не без чувства и азарта,
Устремляя очи вдаль,
Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельцом;
Было общее молчанье,
Пел рассказчик соловьем:

Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессилье
Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа;
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И, наконец, соседа победил:
Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;
Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,
И, так сказать, оркестру внемлет *solo*,
Вот жизнь его... вот жизни идеал!..

«По такому идеалу
Может только жить — кретин!» —
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.
(Сумасшедший или гений?—
Возникал в уме вопрос
После кратких наблюдений
Над вошедшим): «Он унес
Из России миллионы,
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ

Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный миллион
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...
Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей, честная публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу... а Германия?..
Он и так — немецкий фон...
Таковы его страдания...
Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его миллионы,
Я бы им протер глаза!
Не висячие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замышлял;
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... на *Черной реке!*
Вот идея, господи!
Все другие планы к черту!
Составляйте капитал:

Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
Подойдут вагон и барка,
И корабль... Сдавай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!

С деньгами, с гением
Чудным движением
Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспоплиным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!
*(Уходит быстро и с эффектом,
еще в комнате надев шляпу.)*

Г о л о с к н я з я И в а н а

Появился метеором,
Метеором — и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.

В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
То-то жизни! топи камин
Грудой старых документов,
Да на новых ставь: *Ладын.*
А в стяжании не грешен,
Сам последнее отдаст...

Чье-то замечание
Но зато ведь он помешан?

Голос князя Ивана
Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И *пристроить* их спеша,
Ищет он по *шапке Сеньки...*
Идеальная душа!..

В летний день у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы мужики,
«В шелковых рубахах!» — шепчут бабы.
— Глянь: и Савва! — гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бечевою
Тянет барку... К пристани пришли...
Огслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.
В торжестве открытия канала
Сам министр участие принимал,
Но не струсил Саввушка нимало —
Речь его сиятельству сказал!
Был тогда вельможа этот в сил,
Затебал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.

Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи вносить:
Савву бог сподобил *даром слова*
На Руси богатство приобрести!

Но, начав карьеру бечевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев мужиков»,
Он запел... что было русских в зале,
Подожли — и стройный хор готов:

В ГОРУ!

(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напред!

Ухни, ребята! гора-то высокая...

Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!

Экой песок!

Эка гора!

Экой денек!

Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!

Мы ли, родная, тебя не доволили!

Денежек дай!

Бросили дом,

Малых ребят...

Ухнем, напред!..

Кости трещат!

На печь бы лечь

Зиму проспять,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
В лямку купца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За сердце звуки берут.
Что ж это, господи! Всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

Э п и л о г

«Я — вор!» — вдруг громко прозвучал
Какой-то голос исступленный.
По зале шепот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,

Плотнее к двери я приник:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепа гениальный?
Да, верно! Бледен как мертвец,
В очах глубокое страдание...
Чу! новый вопль! И, наконец —
Неудержимое рыдание!

К н я з ь И в а н

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво...
«Куда же вы?» — воскликнул Савва.—
Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней, — прибавил он к евреям, —
Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям!..»

З а ц е п и н

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,

Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жида вскочили... стали рядом...
«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

Князь Иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская смётка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь—
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал, говорят,
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

З а ц е п и н

К религии наклонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...
(Рыдает.)

К н я з ь И в а н

Ты книги подчистил? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услышали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознание,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая даянье
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таится подход к грабежу,
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обнаружа,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! *Блаженство паденья* —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участием
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.
Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
— Прочь! не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей!

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» — пробормотал...
Князь Иван один был весел,
«Браво!» — он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел...

К н я з ь И в а н

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... по неволе?..
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам,
Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощенье и любовь!—
Говаривал Володя Перелешин: —
Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Граф Твердышов... уж он ли над Россией,
Над мужичком гслодным не грустил?

А кончил тем, что с земской гарантией
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

З а ц е п и н
(внезапно вскакивает)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое!

К н я з ь И в а н

Эх, ты! некстати перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы, верно, перебрал
Весь Петербург: я был в ударе!

З а ц е п и н

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный
И — случится крррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Неуходившие жиды
Его почти не понимали;

Они подумали, что он
Свершил в России преступленье,
Украд казенный миллион,
И — предложили наставленье.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).

Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.

Вы нам продайте пай,
Деньги пошлите в Америку.

Вы рассчитайте людей,

Вы распустите по городу

Слух о болезни своей,

Выкрасьте голову, бороду,

Брови... Оденьтесь тепло.

Вы до Кронштадта на катере,

Вы на корабль... под крыло

К нащей финансовой матери ¹.

Денежки — добрый товар —

Вы поселяйтесь на жительство,

Где не достанет правительство,

И поживайте, как — *царри!*..

З а ц е п и н

Прочь! гнушаюсь ваших уз!..

Проклинаю процветающий,

Всеберущий, всехватящий,

Всеворующий союз!..

Ушли, полны негодованья,

Жида-бакиры... Леонид

С последним словом увещанья

Перед Зацепиным стоит.

Л е о н и д

Явление — строго говоря—

Не ново с русскими великими умами:

С Ивана Грозного царя

До переписки Гоголя с друзьями,

Самобичующий протест—

Российских граждан достоянье!

¹ Англия. (Прим Н. А. Некрасова.)

Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознание;
Забята истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...
Мы искалечены безбожно,
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза.)

Русской души не понять иноверцу...
Пусть он бичует себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нет в покаянье стыда.
Что за нелепость — крестьянин не сеченый?
Нечем тут хвастать, а лучше молчать:
Темные пятна души изувеченной
Русскому глупо скрывать,
Неисчислимы орудья клеймящие!
Если, кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящие,
Это — уроды! Куда ни взгляни,
Все под гребенку подстрижено,
Сбито с прямого пути,
Неотразимо обижено...
Где же спасенье найти?
Где? «В миллионах!» — так жизнь подсказала,
Гений достигнуть помог...
Горе одно: он убить идеала
В сердце прекрасном не мог...
О, роковая судеб неизбежность!
В практике — строгий делец,
Голубь в душе — благородство и нежность!..
Вот его драма... Уснул наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном.)

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солону...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить!
Знай свой шесток и дань плати культуре!
На Западе — Мишле, Эдгар Кине,

Овсянников — в родной твоей стране
Явления — верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О господи! Удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобрести,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом —
Вот русская незабываемая честь!..

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают.)

К н я з ь И в а н

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее...
Миллионы наживет!

С а в в а

(хлопоча между тем около Зацепы, говорит вполголоса)

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! Уйди домой
И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Услышит...

Зацепин

У меня нет сына...
(Бросает Савве телеграмму.)

Савва
(читает)

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол, в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар действительно жестокий!..

Гриша — образчик широких натур —
Смолоду в крайности дерзко бросался,
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться собирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он со временем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.
Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел...
Многие так провалились вначале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озарила — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:

«Правда ли?» «Правда ли?» — юноша смело
Сыплет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайне Зацепы о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем...»
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел,
И разыгралась воочию драма...

Князь острил, бурлил Зацепы,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо
Да с азартом соду пил.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» — вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

〈ИЗ «СОВРЕМЕННОКОВ»〉

〈1〉

ЛИТЕРАТОР

Заглянул я в залу эту
И прижался у дверей.
Седовласому поэту
Здесь справляли юбилей.

Семь речей ему сказали,
Все заслуги перечли,
И к Шекспиру приравняли,
И Гомером нарекли...

Что же вышло? Друг искусства
Как-то холодно внимал:
«Ваши речи полны чувства,
Полны искренних похвал,

Их довольно, чтоб прославить
Мой художественный дар,
Но... позвольте мне прибавить», —
Скромно молвил юбиляр.

И затем себе восьмую
Речь сказал любимец муз
С жаром, с чувством... да такую,
Что льстецы пришли в конфуз!

Пошлость их речей бездарных
Стала каждому ясна:
Вместо фраз высокопарных
Речь его была полна

Поэтических сравнений,
Поэтических картин,
Блеск и сила!.. Точно: гений,
Да притом — и века сын:

Что за радость быть педантом,
Скромность вечную хранить?
Всем служить своим талантом,
А себе не послужить?..

⟨2⟩

Н О В Ы Й Г У Б Е Р Н А Т О Р

«...С богом, с богом! торопитесь!
Там скучненько, говорят.
Что же делать? Потрудитесь!
Рано вам еще в Сенат.

Прокатиться можно в зимку,
Далеко ль от вас Москва?
Недоимку! недоимку!
Остальное — трын-трава!..»

⟨3⟩

*

Военный пир... военный спор...
Не знаю, кто тут триумфатор.
«Аничков — вор! Мордвинов — вор! —
Кричит зарвавшийся оратор:—
Милютин ваш — не патриот,
А просто карбонарий ярый.
Куда он армию ведет?..
Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,
Что только палка бьет пороки!
Читай историю, читай!
Благие в ней найдешь уроки:
Где страх начальства, там и честь.
А страх без палки — скоротечен.
Пусть целый день не мог присесть

Солдат, порядочно посечен,
Пушай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
Что был небитого дороже?»

<4>

* * *

Председатель Казенной палаты,—
Представительный тучный старик,
И директор. Я слышал дебаты,
Но о чем? хорошенько не вник.

«Мы вас вызвали... ваши способности...»
— Нет-с! вернее: решительность мер.
«Не вхожу ни в какие подробности,
Вы — губерниям прочим пример,

Господин Председатель Пасьянсов!»
— Гран-Пасьянсов! — поправил старик.
«Был бы рай в министерстве финансов,
Если б всюду платил так мужик!..

Очень трудны теперь обстоятельства...
Если б меры такие ж принять...»
— Не советую, ваше сиятельство,
Все погубите, смею сказать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик.
«Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов?..»
— Гран-Пасьянсов! — поправил старик...

<5>

* * *

— Послушайте — не много ль
Такое погребенье?
Не Пушкин же, не Гоголь
Леонтьев!.. —

«Ваше мнение

Есть плод лицеприятъя!
Не будьте слишком строги.
В Москве — свои понятия,
Свои герои, боги.
Московского Зевеса
Я там увидел снова:
Поверьте, наша пресса
Клевещет на Каткова.
Ужель у патриота
В основе убежденья
Тупая жажда гнета
И похоть истребленья?»

<6>

* * *

— Здравствуй, умная головка!
Ты давно ль из чуждых стран?
Кстати, что твоя «Поповка»,
Поплыла ли в океан?

«Плохо! дело не спорится.
Опыт толку не дает:
Все кружится да кружится,
Все кружится... не плывет!»

— Это, брат, эмблема века,
Если толком разберешь.
Нет в России человека,
С кем бы не было того ж!

Что-то каждому нелозко,
В чем-то где-то есть грешок.
Мы кружимся, как «Поповка»,
А вперед — ни на вершок!

<7>

ДВОРЯНСКИЕ СКОРБИ И РАДОСТИ

«Да, провинция пустеет:
Города объаты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не «высшего разбора»,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловит каждая душа!

Даже божии стихии
Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Нивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —
Даже почва провалилась,
Отведенная в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Прах отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!»

Так искатели концессий,
Потерпевшие наклад
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

«Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим,—
Говорит — по Гнейсту — князь: —

Мы судебно-полицейской
Властью пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказав:

«Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина!
Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимины.

Враги дворян изобрели
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

<8>

Теперь о воспитанье... Я —
Конечно, для мужского полу —
Завел бы, милые друзья,
Громадного размера школу

Одну военную, — и в ней
Для надлежащей подготовки
Книг мало, много фухтелей
И сколько хочешь маршировки.
Покуда в школе, — нет имен,
Под номером известен всякий:
Седьмой Иван, шестой Семен,
Сто девятнадцатый Акакий.
Родство забыто. Ни на ком, —
Покуда в школе, — превосходства,
Добейся шпаги с темляком:
Она эмблема благородства.

Люби народ, но облагай,
Что называется, вплотную
И тем разумно возбуждай
К труду энергию святую.
Вводить ли грамоту в народ?
Она не даст ему процентов.
Но неизбежно приведет
К подделке важных документов.

1 8 6 3—1 8 7 7

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеали,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятаушки
И делят меж собой...
По делу всяк по-своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздорчком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей,
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б, ночью целую
Так шли — куда, не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?.. — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой, тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,

Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Посли — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Нсмудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,
И стои, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!¹
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел. сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, уставила

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ). (Прим. Н. А. Некрасова.)

Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова, — замоскворецкая
Княгиня, — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала-послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили,
О чем они шумят...

Намаяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне, наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.

Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укачишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Попросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день,—
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли! —
Сказал угрюмый Пров.

— Да по ведру бы водочки,—
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

— Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку,—
Шутили мужики.

— А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску.

— А вечером по чайничку
Горячего чайку...

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка

Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —

«Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи! —

«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!
По вашему хотению,

По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю,—
Ответил ей Пахом:—
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заворижи!

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились,—
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилась,—
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки...—
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилась пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.

Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Все появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,

Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава I

п о п

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные

Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой, избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются,
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,

Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

— Небось! мы не грабители! —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит.)

— Мы мужики степенные,
Из временно-обязанных,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдём...

«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!..»

— Спасибо. Слушай же!

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому,
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее отгудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть, — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп

И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»

— Начинай!

«В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь,
Не так ли, други милые?»

Они сказали: так...

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые
И в половодье вешнее
Иди — куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни,
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:

Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
— Что скажешь нам еще?

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячей?
Чур! отвечать на спрос!»
Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

«С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

«О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?

Кому вдогон, злорадствуя,
Кричите: го-го-гой?..»

Потупились ребятаушки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается, —
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

— Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя Российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именные,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирынам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине

И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой, холёные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом статья... раскольники...
Не грешен, не жилось я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.

Крестьянин сам нуждается
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридóрога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! ¹
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь, прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному

¹ Крутая радуга — к вёдру; полагая — к дождю. (Прим. Н. А. Некрасова)

Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнул в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние;
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный,
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:

— Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —

Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудёт!
Ну, вот тебе хваленое,
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастью крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

Глава II

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОЛКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!

Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ?..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.

Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно по суху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,
Коростели скрипят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажень в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет.
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хватить!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея, как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

— А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?
«Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой».
— А далеко Кузьминское?

«Да будет версты три».

— Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку! —
Решили мужики,
А про себя подумали:
Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен).
Есть лавки постоянные
В подобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А словно пред иконами
Без шапок мужики.
Такая уж сторонущка!

Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных дворигов,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А все им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится и дуется
Подол на обручах!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!

На баб нарядных гляючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петровá!
С тех пор как бабы начали
Рядиться в ситцы красные,—
Леса не поднимаются,
А хлеба хоть не сей!»

— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовую дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее удельывать —

Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плеваю
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмаки козловые
Дед внушке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
— Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай! —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! — головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю...—
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насылил,
А пропился до грошика!—

Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!..» — Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников.
(Какого роду-звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать.
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик.
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасались
Своим товаром в ней.

— А генералов надобно? —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

— Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою,—
Тут дело не в комплекции...

«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать невзрачного,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навывкате,
Да чтобы больше звезд!»

— А статских не желаете?
«Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует,
(С Лубянки — первый вор!),
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся

В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь?
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
— Пойдем, я укажу!

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!

Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

— И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей!..

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,

Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой!
Тут трезвому, что голому
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

Глава III

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные,
И стоном стон стоял!

Скрипят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Успувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А ты полтинник писарю:
Прошение изготовили
К начальнику губернии...»

— Эй! с возу куль упал!

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»
— Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

— А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
— В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили... «Эх!.. грехи!..»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, друг!
Вот то́, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенькой,
Оборванной, паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал:
— Что́ делаешь ты тут?
«А хороню я матушку!»
— Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось соскочит дурь!

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются
И жилиются и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!»
Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок плевков, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..»

«Ну полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись!» За валиком
Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют ..

Дорога многолюдная
Что́ позже — безобразнее:
Всё чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,

Да выискался пьяненькой
Мужик,— он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал, —да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно́ смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда,
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:

— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная,
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопаёт один!
У нас пристал третьёводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угожья меряет,
Иной в селенье жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.

Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое
Скосивши волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами,—
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь,—
Небось мы тут красивее?

Жалеть — жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,

Гляди кругом,— возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минутку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Беспашечное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..»

— Как звать тебя, старинушка?

«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *«В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»*

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонькой,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет — с сохой возится,
А смерть придет Якимушке —

Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, брат Яким! не дешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их небось?»

— Повесил — есть и новые, —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?»

— Да, бог милостив!
«Ну, выпей с нами чарочку!»

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким):
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валяются,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж
Напился пьян, храпóm храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и прыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я с тобой!»
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласились
Ларец свой попытать.

Одна — зачем, бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:

«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

Глава IV

С Ч А С Т Л И В Ы Е

В толпе горластой, праздничной,
Прохаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,

Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
— А в чем же?—

«В благодушестве!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
— А где возьмешь косушечку?
«Да вы же дать сулилися...»

— Проваливай! шалишь!..

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осеи
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А впоперечь — аршин!»
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями.
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» — говорит.

— Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись, смотри!
«А в том, во-первых, счастье,

Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт, ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,
Нешадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

— На! выпивай, служивенькой!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес олонецкий,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуясь,—
Сказал он,— с женой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

— Да в чем же ваше счастье?

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастье»
И, крикнувши порядочно,
Работнику поднес:
— Ну, веско! а не будет ли,
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..

«Смотри, не хвастай силою»,—
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос острый, как у мертвого,

Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар).
«Я был — не хуже каменщик,
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклат я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая.
«Что это? — говорит. —
Не узнаю Трофима я!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал
И подложил, подлец!
Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться,
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

— Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!

«Дослушай! будет счастье!»

— Да в чем же, говори!

«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне лихорадочных,
Горячечных работников
Нас много набралось,
Всем одного желалось,
Как мне, попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
В жарыще, в духоте
У многих помутились
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов.
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов.)
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!

Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью,
День кончился, а к вечеру
Похолодало,— сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...»

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек.—
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой, как кольнуло!.. батюшки!..
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялись.
— Чего смеетесь, глупые,—
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал:—
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, господи,

Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай! —

«Проваливай!

У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорусс,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» — говорит.

— А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?

«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.

А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

— А ну-ка, влево глянь!

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
— А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит... — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаением,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей. .»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,

Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина,—
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей:—
Коли Ермил не выручит,
Счастливец не объявится,
Так и шататься нечего...»

— А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!»

— Ты говори толковее,
Садись, а мы слушаем,
Какой такой Ермил?

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!»

Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплюшал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
— Моя, выходит, мельница!
«Нет! — говорит Ермил,
Подходит к председателю: —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчасу?»

— Что в полчасу ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»
— А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчасу позвольте?»

— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермил (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон,— и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:

«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука.
Приехал я без грошика,
Ан глянь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермилу парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!

Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков ¹,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: «Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!»
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны.
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подъячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост,—
Пошли юлить подъячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный пятницу
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.

¹ Полумпериалы. (Прим. Н. А. Некрасова)

Еще — он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей — бог ведает!
Остался у него.
Весь день с мощной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич.

— Чудён! — сказали странники:—
Однако знать желательно,
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?

«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?»

— Слыхали, ну так что ж?

«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо.
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Халуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако волей божией
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра избрать.
Ну, мы недолго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирина!»
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: «Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!

В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

— Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику:— грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...

«А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

— А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок.

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрать бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы,
Да с тем бы и отъехала.

Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он всё одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.

Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилось
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,

Перед Ненилой Власьевной
Вдруг на колени пал!
Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Не тяжело служить:
Сам князь о нем заботится.
А за провинность Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу,
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал —
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

— Напрасно вы проходите,—
Сказал, уж раз заспоривший
Седоволосый поп:—
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию,
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,

Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...

«Как так?»

— А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни Столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует,
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:

«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатакам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирина,
Народ его слушает...»
— Позвать его, живей

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!» —
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как вострепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнью
От иностранных вин:—
Откуда прыть явилась!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло как рукой!»

— Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина

Помещика Обрубкова,
Деревни Столбняки?

«Пора домой, родимые.
Бог даст опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

Глава V

П О М Е Щ И К

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненский,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.

Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенный,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
— Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..—
Крестьяне рассмеялись:
«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
— Кто ж вы? чего вам надобно?

«У нас забота есть.
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно, отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю!
«Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

— Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..
«Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! Мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временно-обязанных
Подтянутой губернии,

Пустопорожней волости,
Из разных деревень —
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал — попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?

Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...

«Нет, нет!
Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прощка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврик
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако неученые,

Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»

— Леса нам не заказаны—
Видали древо всякое!—
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту-Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
Ну, поняли, любезные?»
— Как не понять! С медведями
Не мало их шатается,
Прохвостов и теперь.

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:

«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откуда
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

— А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко, так яблочко!
Согласен! Благо поняли
Вы дело наконец.
Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники. —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, — и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валяются,

Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне — какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку.
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прощка!» — закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили-варом гончие.
Чу! подзывает рог...
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаились,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостяжданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! — улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут все помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещицья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Перепосылся дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!...»

Вдруг, как струна порвалась,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прощка!» — закричал.
Глонул — и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отчески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиную стол огромный,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» — «Воистину!»
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым,
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всюнощну служил.
И к той домашней всюнощной
Крестьяне допускались,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалась,

Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,—
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
«Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!»
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони,—
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые

Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
— Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

«И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!..

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» —
Проговорили странники,
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещицьею
Звонят!.. Ой, жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещицья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прощка!» (выпил водочки
И посвистал)...

«Не весело
Глядеть, как изменилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное

Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовался
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любит,ся,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною

Резвились наши детушки
И Ганичка и Верочка
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещицы
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно,
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит — топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля — недоработаны,
Посевы — недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..

Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«На вынос и распивочно».

Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещицья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные:—
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: а кто же ждал?
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу, я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,

Пирами, всякой роскошью,
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный! »

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

КРЕСТЬЯНКА

(Из третьей части)

ПРОЛОГ

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину,
Матрену Тимофееву,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,

Покамест ты оделся
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажнили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилась,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненькой! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалась,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча, на полосу:
Горох, что девку красную
Кто ни пройдет — шипнет!
Теперь горох у всякого,
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела: дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные
Лежат на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот, наконец, и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят как остоны
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочки,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посреди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границую,
А управитель при смерти!..»
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за народ диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Халуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову,
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По нетоплёной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Всё старые, всё хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на-помочь! Как ловится?..»

— Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак!

«Хоть бы пяточек вынули!» —
Проговорила бледная,
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

— Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница? —
Спросили мужики.

«С балкону!»

— То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

— А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —
В железном-то тазу? —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..»

Что шаг, то натыкались
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

— Да что в них проку? зелены!

«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» — Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадались,
Что надпись переправлена:

Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
— Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку,
Да сам ее читай!

«А тоже грамотеями
Считаетесь! — с досадою
Дворовый прошипел:—
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово: воспрещается,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

— Дорожки так загажены,
Что срам! у девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У халуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики:—
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...— (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подрыснике
Какой-то человек

И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Нерусские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

— Певец Ново-Архангельской.
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек,
Какая уж Италия?
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голосу...

«Зато уж голосок!»

— Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подыметя
Да рывкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?» —
Так стекла затрещат!

А тот ему оттуда-то:
«Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — И-ду!..—
Иду-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вдохнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!
— Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ.

Легко вдохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц,
Все дело девки красили
(Толпа без красных девушек,
Что рожь без васильков).

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
— Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявинъ,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай.
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подрались,

Подравшись, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?), —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастье твое?

Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..»

— Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал! —
Просили мужики.

«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые».

— А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро

Как станем завтра,— к вечеру
Всю рожь твою сожнем!

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна,— говорит.—
Такие-то вы brave,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти».

— А ты нам душу выложи!

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
*«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».*

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажались
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяйюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

ДО ЗАМУЖЕСТВА

Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись дó свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшечками,
Все вымоет, все выскребет,
Посадит хлебы в печь,—
Идет родная матушка,
Не будит — пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — недолог сон!
Уложат спать позднехонько,
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества¹

¹ Обычай. (Прим. Н. А. Некрасова.)

По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: «Бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобыкла я...
(И добрая работница,
И петъ-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротисься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу,—
Опять бела, свежихонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» — уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженой,
На горе — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!

Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые,
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил-братец! шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы, —
Меня бы промигал!..

Всю ночь я продумала...
«Оставь,—я парню молвила,—
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»

— Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка.—
Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!

— Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!

— Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговались:
Филиппу я: — Уйди ты прочь! —
А он: «Иди со мной!»
Известно: «Ненаглядная,
Хорошая... пригожая...»
— Ай!.. — вдруг рванулась я...
«Чего ты? Эка силища!»
Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!

Пока мы торговались,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьеце...
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная
Такая же хорошая,
Как и теперь, была...

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилась,
Унынным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешена!

Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилась —
Вздогнули ноги резвые;
Второй я поклонилась —
Поблекло бело личико,

Я в третий поклонилася,
И волюшка ¹ скатилася
С девичьей головы...

— Так значит: свадьба? Следует —
Сказал один из Губиных,—
Проздравить молодых.

— Давай! Начин с хозяйюшки,

— Пьешь водку, Тимофеевна?

— Старухе — да не пить?..

Глава II

П Е С Н И

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточиюю,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

¹ Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают волю т. е. ленту, которую носят девицы до замужества. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Все, что в песенке
Той певалось,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
Нам подхватывать...

М а т р е н а

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

С т р а н н и к и
(хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

М а т р е н а

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

С т р а н н и к и
(хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,

Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,
Поймали, — полумертвого
Подкинули в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковой,
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день ¹,
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.

¹ Первое катанье на санях. (Прим. Н. А. Некрасова.)

То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...

— Уж будто не колачивал?

Замялась Тимофеевна:
— Раз только,— тихим голосом
Промолвила она.

— За что? — спросили странники.

— Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбились.
— Дай башмаки Оленушке,
Жена! — сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
— Ну, благо ты приехала,
И так походишь! — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке,
— Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы! —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну, женщины! с такими-то
Змеями подкожными
И мертвый плеть возьмет!

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

* * *

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
 Поклонилася:
 Свекровь-матушка,
 Отними меня
 От лиха-мужа,
 Змея лютого!
 Свекровь-матушка
 Велит больше бить,
 Велит кровь пролить...

Х о р

Плетка свистнула,
 Кровь пробрызнула...
 Ах! лели! лели!
 Кровь пробрызнула.

Филипп на благовещенье
 Ушел, а на казанскую
 Я сына родила.
 Как писанный был Дёмушка!
 Краса взята у солнышка,
 У снегу белизна,
 У маку губы алые.
 Бровь черная у соболя,
 У соболя сибирского,
 У сокола глаза!
 Весь гнев с души красавец мой
 Согнал улыбкой ангельской,
 Как солнышко весеннее
 Сгоняет снег с полей...
 Не стала я тревожиться,
 Что ни велят — работаю,
 Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
 Абрам Гордеич Ситников,
 Господский управляющий,
 Стал крепко докучать:
 — Ты писаная кралечка,
 Ты наливная ягодка...
 «Отстань, бесстыдник! ягодка,
 Да бору не того!»

Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся,—
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
— Гони его, родимая,
По шее! «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
— Что делать? Научи!

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы?

— Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика,—
Сказали мужики.

— Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку,
Счастливцев тоже был...

Глава III

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет нестриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну, распрямится?
Пробьет дыру медведище
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.

Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клеименым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится.
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!..»
А крепко досадят ему,
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золовушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговицы
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые
И выпускал их дедушка
По слову через час.

«Погибшие... пропащие...»

«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

«Недотерпеть — пропасть,
Перетерпеть — пропасть!..»

«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут,
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

«Надумалась Корёжина,
Надай! надай! надай!..»

И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дёма, словно яблочко,
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?

Я каторжником был.
Ты, дедушка?

— Я, внученька!

Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...

И полно! шутишь, дедушка!

— Нет, не шучу. Послушай-ка! —
И все мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.

Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

— Да как же так, Савельюшка?

«А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал,
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам достигнуть пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году,
Вот были времена!
А нынче — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» — кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася,
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,

Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп¹ я похож?»

— Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?

«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» — Оброку нет!
Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились...
«Оброк!» — Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
В головушках — дерет!

¹ Деревенский колодец (Прим. Н. А. Некрасова.)

Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков»¹
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
(Хохочет — рад придумочке):
«Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!
И прочим стало совестно,
На церковь побожились:
«Вперед не посраимся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

¹ Полуимперналы. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал:
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дерн, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над баринном
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.

И был сначала тихонькой:
«Платите сколько можете».
— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю».
— Уведомь!.. — Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: «Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полкё...

С ребятами, с девóчками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? — «Окопать
Канавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
— Ну, хорошо! Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки,
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.

Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл.... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!»

— Как вы терпели, дедушка?

«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шулки, дедушка! —
Сказала я. — Такого-то

Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумая,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как были вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

— А что же немец, дедушка?

«А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятиером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?...» —
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,

Потом другой толкнул его,
И третий... Мы поспрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: веревку! лестницу!
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» — я слово выронил.—
Под слово люди русские
Работают дружней.—
«Наддай! наддай!» Так на́ддали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулись...»

Остановился дедушка.

— Что ж дальше?

«Дальше: дрянь'
Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороты!

Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения,
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку,
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх! вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...

— Ну, что ж? — сказали странники. —
Досказывай, хозяйюшка,
Свое житье-бытье!

— Невесело досказывать,
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла.

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца...

Глава IV

ДЁМУШКА

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?

А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Немного с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не лентясь
Удобрили, ухостили,—
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопам нагужала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагужается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)
Вдруг стоны я слышала:

Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки.—
Мой грех — не доглядел!..»

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детеньшей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Дёмушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!
Ребята испугались,
По избам разбежались,
У окон заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,

Сапожки притопталися,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порывивал...
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись?»
Я шепотком ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам?»
Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристом,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздогнула я, одумалась.
— Нет,— говорю,— я Дёмушку
Любила, берегла...
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
— Нет! сохрани господь!..—
И тут я покорилася,

Я в ноги поклонилась:
«Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..» Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Дёмушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела,—
Металась и кричала я:
«Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже-господи!
Чтоб тлен пришел на платице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..»¹
— Никак она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,

¹ Взято почти буквально из народного причитанья. (Прим. Н. Ч. Некрасова)

Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,
А на носу очки!

Так тихо стало в горнице...

Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.

«Ножом в сердцах читаете»,—

Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Дёмушки
Сердечко распластал.

Тут я опять рванулася...

«Ну, так и есть — помешана!

Связать ее!» — десятнику

Начальник закричал.

Стал понятых опрашивать:

«В крестьянке Тимофеевой

И прежде помешательство

Вы примечали?»

— Нет!

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

— Не примечали, нет!

Спросили деда старого:

— Не примечал! ровна была...

Одно: к начальству кликнули,

Пошла... а ни целковика,

Ни новины, пропащая,

С собой и не взяла!

Заплакал нáвзрыд дедушка.

Начальничек нахмурился,

Ни слова не сказал.

И тут я спохватилася!

Прогневался бог: разуму

Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Дёмушку,
Циновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я.
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: прошу покорнейше!
А поп ему: «Что просите?
Без прутика, без кнута
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!»

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа наклонялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
«У нас народ — всё голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло все...

Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!» —
И крестит... С рук скатились
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Дёмушке,
Ой, страшно будет спать!..»

«Уйди!..» — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою

Стоял он перед гробиком,
Над Дёмою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! убил ты Дёмушку!
Будь проклят ты... уйди!..»

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходилась я,
Тут дедко подошел:
«Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывал,
Да рассказал не все:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь — сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дёма-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Дёмушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапочкой,
Как кошка, умывалась...
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Дёмушкой...

Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань! помолись за Дёмушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

«Теперь в раю твой Дёмушка,
Легко ему, светло ему...»

Заплакал старый дед.

— Я не ропщу,— сказала я,—
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругались над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?..

«Высоко бог, далеко царь...»

— Нужды нет: я дойду!

«Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти».

— Да почему же, дедушка?

«Ты — крепостная женщина!» —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
«Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Дёмушку!»
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Дёмою читал...

Глава V
В О Л Ч И Ц А

Уж двадцать лет, как Дёмушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, — всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру¹.
Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» Я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Дёминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилу, чтобы травушкой
Скорее поросла,

¹ Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть». (Прим. Н. А. Некрасова.)

Молилась за покойничка,
Тужила по родителям;
Забыли дочь свою!
Собак моих боитесь?
Семьи моей стыдитесь?
— Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выпрашивать
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем — ты заплачешься,
Уедем — заревешь!

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилась,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

— Что ж, умер, что ли, дедушка?

— Нет. Он в своей каморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделю,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется

От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды рассказывать...
На Дёмину могилочку
Поплакать я пошла.
Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная, золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. — Савельюшка!
Откуда ты взялся?

«Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дёму бедного,
За всё страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!»

— Давно простила, дедушка!

Вздохнул Савелий... «Внученька!
А, внученька!» — Что, дедушка?
«По-прежнему взгляни!»

Взглянула я по-прежнему.

Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла стариனுшку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...
Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож?»
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: «Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай...»
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Дёмою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя — в постель;
За всех, про всех работаю,
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовочки бракованной¹
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполо́шилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливаётся:
И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось

¹ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася —
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
— Что держишь ты его?
«Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!»
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я,— так рассказывал
Сынок мой,— на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хватъ овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу Валетку, уськаю...
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щённая:
У ней сосцы волóчились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...

Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает,
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завыва вдруг!
Завыва, как заплакала.
Ощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село, да, глупенький,
Все сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!» —
И рвет из рук Федотушку.
Федот, как лист, дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
— Не выдай! Будь заступником!
«В чем дело?» — кликнул старосту
И мигом порешил:
«Подпaska малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!»

«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»
— Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста.—
Эи! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась:
— А ты бы в ноги старосте...

«Иди домой, Федот'»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы...

В Федотову каморочку,
Как кошка, я прокралась:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!
Тужила я по Дёмушке,
Как им была беременна —
Слабенец родился,
Однако, вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.

Проснулась вся семейка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостя бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна́ моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что́ без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся.
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава VI
ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной¹
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на Антихриста,
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилась,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? *Рубаху чистую*
*Надела в рождество*².
За мужем, за заступником,
Я дешево отдалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось.
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову

¹ Комета. (Прим. Н. А. Некрасова.)

² Примета: не падевай чистую рубаху в рождество: не то жди неурожая. (Есть у Даля.) (Прим. Н. А. Некрасова.)

В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Доаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Поверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!

Горю... Бог весть, что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

.
Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богатство:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

.
Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

.
Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежда рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить,
«Бог даст!» — ответят бедные.

Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»

.....

Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
«Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалась,
Как солнышко зайдет!»

.....

Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!

.....

Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!

.....

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери,
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!

Во быструю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

.

Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут... Остановились...
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» —
Шалашников кричит.
Упал Филипп: — Помилуйте!
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

.

И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала —
Все тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собирались,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

«На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр, сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа, Ефимовна, пойдем домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозки есть,
Леса темны, караулы есть».

Глава VII

ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню, — чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:

Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, мать божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь все, владычица.
Ты можешь все, заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божием
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилось,
И силы прибавлялось,
Чем чаще я касалась
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...
Потом — в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:

Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопляс — овес!
Нужда с кулем тащилась, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла,
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площадѣ.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

— Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?
«Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!»
(Дала ему двугривенный):
«На то у губернатора
Особый есть швейцар».
— А где он? как назвать его? —
«Макаром Федосеичем...
На лестницу поди!»
Пошла, да двери заперты,
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

«Эй! что ты тут расселся?»

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике

Плешивый человек.
Скоренько я целковенькой
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!

«Пускать-то вас не велено,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Так... через два часа...»

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
— Чей памятник? — «Сусанина».
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый ·серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозой,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то
Твоя опочиваленка?

Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалась,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется. «Что ты вздрогнула?»
— Устала я, родной!

«А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенькой,
Увидишь — удружу!»

Дала еще целковенькой.
«Пойдем в мою каморочку,
Попьешь пока чайку!»

Каморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится
А по стене картиночки.
«Вот он! — сказал Макар. —
Его превосходительство!» —
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

— Да добрый ли? — спросила я.

«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем
Как пес бываю зол».

— Скучаешь, видно, дяденька?
«Нет, тут статья особая,
Не скука тут — война!

И Сам и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В каморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой!..»

Я вспомнила
Про богатырство дедово:
— Ты, дядюшка,— сказала я,—
Должно быть, богатырь.

«Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!»

В каморку постучались,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
— Сам едет? — «Губернаторша!» —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала.
(Да, видно, надоумила
Владычица!..) Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!»

— Откуда ты, голубушка? —

Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мука смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит:
— Чье дитятко, красавица?
«Твое!» — Поцеловала я
Рожоное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомерная,
Упередилося времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка
Младенцу избрала...

— А что же с мужем сталося?

— Послали в Клин нарочного,
Всю истину довели —
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Все время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего,
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись,—
Скажем старому,—
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу,
Александровну!»

А увидим мы
Церковь божью,
Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, господи,
Радость-счастье,
Доброй душеньке
Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,

Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу —
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка;
Поклонилась
Мать-свекровушка,
Деверья, зятя
Поклонились,
Поклонились,
Повинились!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильнее меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

Глава VIII

БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здоровье губернаторши
По чарке осушить.

И видя, что хозяйюшка
Ко стогу приклонилася.
К ней подошли гуськом:
— Что ж дальше?

— Сами знаете:

Ославили счастливцей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы —
Уж взяли одного!

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. — Ну, хозяйюшка!
Что скажешь нам еще?

— А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..

— Да все ли рассказала ты?

— Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,

Да, видно, не сумела я,—
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плоть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте,
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася...
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынники,
И жены непорочные,

И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвов выспрашивать,
И по звездам высчитывать
Пытались — нет ключей!
Весь божий мир извели,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё — не те ключи!
Пришлись они, — великое
Избранным людям божьим
То было торжество,—
Пришлись к рабам-невольникам!
Темницы растворились,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Все нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются —
Всё нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыба
Гуляет — бог забыл!..»

ПОСЛЕДЫШ

(Из второй части)

I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подъячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «Князья Волконские» ¹
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы ².

— Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ! —
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу:
Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.

¹ Стоги. (Прим. Н. А. Некрасова.)

² Копны. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Со стогом поравнялися —
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися;
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры, старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помощь!»
— Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу,
На Волге, травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелась
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую
Под песню, незнакомую

Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож...

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

«Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой), —
Куда вас бог несет?»

— А мы... — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается, —
Промолвил Влас — и бросился
К рабочим. — Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
Похвалит вас: ура кричи...
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. «Что за люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу:
— Снимите шапки!»

К берегу
Причалили три лодочки.
В одной — прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая

С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Потоньше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три б́арченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них: собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном мягком коврикe
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою
И с белыми собачками,
Все поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурми́стр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурми́стр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» —

И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище мáтерой,
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: — Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?

«Помещик наш: Утятин князь!»

— Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое,
И пожня — не его!»

— А чья же?

«Нашей вотчины».

— Чего же он тут суется?
Ин вы у бога не люди?

«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

— Какая же статья? —

Под стогом лег старинушка
И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
— *Эй! скатерть самобранная,*
Попотчуй мужиков!
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

— Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы

Что за́ люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»

Остановились странники...

— О чем же вы хлопочете?

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

— Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!

«А сам небось молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошеной волости,
Избыткова села!..»
И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси.
Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец. —

Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!»

— Да что ж у вас-то дееся?
Еще стаканчик, дедушка!

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

— Помещик наш особенный,
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застойной дворя слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И как земля черна...
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял.

— Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья! —
Заметил Митродор.

— Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, — сказал Пахом. —
Я раз по подозрению

В острог попавши — чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
— А ну, на поселение
Сошлют — пропали денежки!
«Всё лучше», — говорит...

— Ну, дальше, дальше, дедушка!

— Соринка дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море все заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали)!
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый,
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут — так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
«Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
Права свои дворянские,

Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей,
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы... им простительно!
А вы... князя Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Орóbели наследники:
А ну, как перед смертью
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать: как тут быть?
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,

Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибежал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князя Утятини
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение» —
Ипат сказал: «Балуйте вы!
А я князей Утятиных
Холоп — и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,

В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой — впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу! ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И, сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Похохотали странники...
Глонув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: — Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нынешних

Ему не перенести.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное,
За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые)
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
— Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится: к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?

«Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,

Уйдешь — и дело кончено,
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!»

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелось.
И так я на веку,
У притолоки стоячи,
Помялся перед барином
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я — покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика и вас.
Бог приберет «Последыша»
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжаается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:

С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере.
В Сибирь ездая с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я — русский мужичок!»—
Горланил диким голосом
И, кокнув в лоб посудую,
Пил залпом полуштоф!
Как рукомойник, кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отщутится
Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед «Последышем»
Последний человек!

У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,

Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его,
И сделался Клим Яковлич
Из Клим бесшабашного,
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит — ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосе
Облает: и лентяи-то
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работал мужик,
Да невдомек последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!
Сойдемся — смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалась
О барское крыльцо!),
Кричит: «Приказ по вотчине!»
Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаением,

Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодились
И правили тягло!»
А той вдове — под семьдесят,
А жениху — шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора,
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина,—
Так пастухам приказано
Впрсдь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадались,
Что спятил он с ума!»
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещицъей
Усадьбе назначается
Ерёмка!..» Покатались
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегаёт,
Чудит, во всё мешается,

Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутились
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно —
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес — среди бела дня!),
Навстречу та колясочка,
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул, откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...

Захохотал Агап!
«Ах, шут ты, шут гороховый!
Нишкни!» — да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: убью!..
«Что брага раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Нишкни!..»

— Ты — бунтовщик! — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь

И полумертвый пал!
«Теперь конец!» — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его — и пьяного
Привел на барский двор.
Все обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился..
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей, да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, вопит! Словно музыку
Последыш стоны слушает,
Чуть мы не рассмеялись,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,

Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал...

«Вишь, тоже добрый! сжалится», —
Заметил Пров, а Влас ему:
— Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Все лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...

— Как! умер?

— Да, почтенные:

Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами,
И пальцем. Ну, а все ж
Нет, нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим: ладно кончилось,
А все Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймет!
Все разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,

А пуще: Клим бессовестный
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Совет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!

III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ...

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошенное,
И — разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстук
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла, губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!

На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстные,
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:
«А скоро ли, —
Спросил помещик, кушая, —
Окончим сенокос?»

— Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...

«Тсс! тсс! — сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. —
Какой такой *господский срок*?
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.
— Как приказать изволите!

Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребяташки?..
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
— Вестимо так, Клиим Яковлич,
Покуда ведро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать:
«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак!.. ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
— Что так? — спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..»

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался.
Старик слюною брызгался,

Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И — круглый, как у филина, —
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

— Отцы! — сказал Клим Яковлич
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг:
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Все ваше, все господское:
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощ огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Все ваше, все господское!
В могилах наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые —
Все ваше, все господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» — барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского):
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними — царь один!
А мужики вязовые —
И гнутся-то и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполáгоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебushка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако — делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим...

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали.
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! — молвил он торжественно
Сынам, своим наследникам,
И молодым снохам: —
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, ввали столичные,
Что обзывают дикими

Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задержало Последыша.
Вскочил, лицом устался
Вперед! Как рысь высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил... «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом.
Как влепит сотню добрую
При всем честном миру!
— Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины.—
Иди! ты любишь бар!

«Нет, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

— Ну, да и врал же ты!

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою,—

Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб ¹,
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

— Что ж там-то будет, Климушка?

«А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли!
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплошал?»

— А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да все испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

— Нет! разбегутся все...

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».

¹ Могила. (Прим. Н. А. Некрасова.)

— А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?

«Что ж делать?.. Вот беда!»

— Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу! —
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину;
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани — чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай, скалит зубы белые,
Смешлив... так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково.—
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
— Какой ты добрый! — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила

По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девичам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, — заметил Влас. —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы —
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделявал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам: —
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеел!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелось
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,

Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... лодка тронулась
И мерно поплыла...
У белокурой барыни
Коса, как флаг распушенный,
Играла на ветру...

— Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр.— Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть... язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот... как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
— Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
Стою... что он куражится
По воле по моей...

Влас отвечал задумчиво:
— Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядом
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что́ господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
— Как так? — «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не выпускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.

Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... был в Питере...
А толку что-то нет!

ПИР — НА ВСЬ МИР

(Из второй части)

*Посвящается
Сергею Петровичу Боткину*

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце села Вахлачина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются —
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пиры с речами, спичами —
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»

С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет:
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное,
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становились,
Парома поджидаячи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадают
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.

Какой-нибудь случайностью —
Неведением помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью — осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте — на подати:
Все взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С излишком. «Так ли, Влас?»

— А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!

«Так!» — вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась: на подати!
«Согласен, дядя Влас?»

— У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак,—
Сказал шутливо староста: —
Начнет Климаха бабою,
А кончит — кабаком!

«А чем же? не острогом же
Кончать-то? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,

Болез за всю вахлачину,
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут — сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
Без палки... правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Как, схоронив покойника,

Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать,—
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Все, почитай, сложилось
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню — не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми,—
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «веселою»
Не в шутку называл.)

1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

ВЕСЕЛАЯ

— Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!
«Где ж коровка наша?»
— Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?» —
Девчонки орут.
— Не орите, дуры!

Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой...
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную — хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведренный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!

Беден, нечесан Калинушка,
 Нечем ему щеголять,
 Только расписана спинушка,
 Да за рубахой не знать.

С лаптя до ворота
 Шкура вся в спорота,
 Пухнет с мякины живот.

Верченный, крученный,
 Сеченый, мученый
 Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
 Горе потопит в вине,
 Только в субботу аукнется
 С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
 Тужили наши странники,
 Что память коротка,
 А вахлаки бахвалились:
 — Мы барщинные! С наше-то
 Попробуй потерпи!
 Мы барщинные! выросли
 Под рылом у помещика;
 День — каторга, а ночь?
 Что сраму-то! За девками
 Гонцы скакали тройками
 По нашим деревням.
 В лицо позабывали мы
 Друг дружку, в землю глядячи,
 Мы потеряли речь.
 В молчанку напивались,
 В молчанку целовались,
 В молчанку драка шла.
 — Ну, ты насчет молчанки-то
 Не очень! нам молчанка-то
 Досталась солоней! —
 Сказал соседней волости
 Крестьянин, с сеном ехавший

(Нужда пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!), —
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться —
Едино, что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругались,
Что поп Иван обиделся
За звон колокольные,
Гудевшие в тот день.

Такие сказы чудные
Посыпались... и диво ли?
Ходить далеко за словом
Не надо — все прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия, —
Сказал детина с черными,
Большими бакенбардами, —
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
— Так что же, брат, рассказывай!
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: — Что за гусь?

— Так, подбегало-мученик ¹,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина ²
Дворовый человек
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгнул! За ним осталася
И кличка: «Выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездил
Четверкой по грибы...
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел ³.

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО—ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице ездил на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Пóходя дул каблуком.

¹ Подбегало — человек нетутошний, пришлый, приписавшийся к деревне. (Прим. Н. А. Некрасова.)

² Тизенгаузена. (Прим. Н. А. Некрасова.)

³ Примета, чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца. (Прим. Н. А. Некрасова.)

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать,
Да племяшá-малолетка качать,
Так они оба до старости дожили,
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки, как сахар, белы,
Да на ногах — кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добратся поможет.
Так они жили ладком — до поры.

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
— Кто же невеста? — «Невеста — Ариша».
Барин отвечает: «В гроб вколочу!»

Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,

Барин, — холоп задурил!
Мертвую запил... Неловко без Якова,
Кто ни послужит — дурак, негодяй!

Злость-то давно накопилась у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пёсски ругается,

Так две недели прошли.

Вдруг его верный холоп возвращается...

Первое дело — поклон до земли.

Жаль ему, видишь ты, стало безногого:

Кто-де сумеет его соблюсти?

«Не поминай только дела жестокого;

Буду свой крест до могилы нести!»

Снова помещик лежит под халатом,

Снова у ног его Яков сидит,

Снова помещик зовет его братом.

«Что ты нахмурился, Яша?» — Мутит! —

Много грибов нанизали на нитки,

В карты сыграли, чайку напились,

Ссыпали вишни, малину в напитки

И поразвлечься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,

Ясному солнышку, зелени рад,

Яков угрюм, говорит неохотно,

Вожжи у Якова дрожмя дрожат,

Крестится. «Чур меня, сила нечистая! —

Шепчет:— Рассыпья!» (мутил его враг).

Едут... Направо трущоба лесистая,

Имя ей исстари: Чертов овраг;

Яков свернул и поехал оврагом,

Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»

Яков ни слова. Проехали шагом

Несколько верст; не дорога — беда!

Ямы, валежник; бегут по оврагу

Вешние воды, деревья шумят...

Стали лошадки — и дальше ни шагу.

Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,

Начал коней отпрягать,

Верного Яшу, дрожащего, бледного,

Начал помещик тогда умолять.

Выслушал Яков посулы — и грубо,

Зло засмеялся: «Нашел душегуба!

Стану я руки убийством марать,

Нет, не тебе умирать!»

Яков на сосну высокую прынул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! Висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!

Вытянул голову, голос напряг
Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.

Словно чугунка подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковым каркнул один.
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!» —
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи! — слышалось
Со всех сторон: — Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!» —
«Жалей!..» Еще прослушали

Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней?
Один сказал: «кабатчики»,
Другой сказал: «помещики»,
А третий — «мужики».
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы.
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»
— А ты бы прежде выслушал...
«Дурак же ты...»

— И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное мастак
Подстерегать оказии,
Когда собирались подати,
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.
— Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!
— Ну, кто же? говори!
«Известно, кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
— Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!

Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни при чем!
«Разбойник за разбойника
Вступился!» — прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
— Молись! — и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступились,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
— Убыю! пиши к родителям!
«Убыю! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
— Ну, баста! — прасол вымолвил,
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким — клетчатым
Отерся и сказал:
— Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности,
Как сил не нагулять?
(Крестьяне засмеялись.)
«А ты еще не хочешь ли?» —
Сказал задорно Клим.
— Ты думал, нет? Попробуем! —
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,

Вздыхавший и крестившийся,
Смиранный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

II. СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью
Как на доходный промысел
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастья,
Чем лжи, — им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Троицы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые-Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запирались,

Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Пошаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двухпудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовёт в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, все выслушал:
— К допросу сомустителя! —
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов

Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
— Эй, покорись! — не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Условцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..»

Условцы крестились,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испугу вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недалёкое,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по спутности
Досталось и условцам:
Пророчество строптивного
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросинюшка,
Госадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую

Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радёхоньки.
Зимой, перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе все словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает.
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколоте
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилось,
Сидит, — зрачки расширены, —
Руками развела...
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,

Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйюшки
Веретено пузатое
Скатилось с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгнул на него
И как оно катилось,
Пока не размоталась
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —

Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушались
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его?
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй, бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконою шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,

Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу.
Вождь-Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу,

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть господь пробудил.

Сот отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стаёт.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнет дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище.
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет.
Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал,

И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

III. И СТАРОЕ И НОВОЕ

Иона кончил, крестится:
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:

«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...
«Паром! пар-ром! пар-ром!»

Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем,—
Заметил Влас: — Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского,—
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул.— Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки,
Всего милей... ну, рассказывай,
Что за великий грех?

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРЕХ

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:

Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит...

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Все повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был — соблазняется!
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Грозовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
— И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!.. — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Неверующий Влас
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости.
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,

Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ

Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила,

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голоса:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
— Поют они без голоса,
А слушать — дрожь по волосу! —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,

Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
— Хошь водки? — Пил достаточно.
Что тут у вас случилось?
Как в воду вы опущены!..
«Мы?.. что ты?..» Насторóжились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

— Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?
«Луга-то?.. Шутишь, брат?»
— Так что ж переменялося?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?
«Никак и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесались
Затылки, шепот слышится:
— Никак и впрямь ништо!

«Пей, вахлячки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано,
Не вешай головы!»

— По-нашему ли, Климущка?
А Глеб-то?..

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики

За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи — Глеба нового
Не будет на Руси!»

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!» —
«Так, значит, и «Голодную»
Теперь навеки по боку?
Эй, други! Пой веселую!» —
Клим радостно кричал...
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: — дурак же ты! —
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
— Дай бог тебе и серебра
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!
«Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину

Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!» —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики.— Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь! —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный, шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком «бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «Бей его!»,
Пока в лесу не скрылись
И парни и беглец.

«Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники.—
За что его тузят?»

— Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут.— Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.
«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

— Чудной народ! бьют сонного,
За что, про что, не знаячи...

— Коли всем миром велено:
Бей! — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников:—
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?... ой, Егор!..
Ай служба — должность подлая!..
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука? да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!»)

Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается;
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины.
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклонилось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсянников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устинышка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходится
Заученные нáтвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
— Забраться-то, забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет! — «Небось до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
— Сгорел! И поделом ему!

Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенсией,
Там — дело разберут!
«Чай, по чугушке тронешься?»
Служивый посвистал:
— Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам любя,
Как от Москвы до Питера
Возили за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!

— А ты ударь-ка в ложечки,—
Сказал солдату староста.—
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим! —
(Влас Клина недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу — всё сбегается.
Ударил — и запел:

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием — по миру, по миру!

У богатого,
У богатины
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин вор
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи, солдат!»
— И не надо, брат! --

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет
Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,

У третьей водицы поплю из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!
Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задержало.
Опершись на Устиныюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирию на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: — Слушайте!
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

К л и м

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

С о л д а т

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

К л и м

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

С о л д а т

Полного выдать не велено.
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, — скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

К л и м

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смеряли
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина,
Величиной с двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

С о л д а т

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

К л и м

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых,—
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

С о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит.
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали; по копейке.
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

IV. ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою,
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смирный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая,—
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая, в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделось,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их недокармливал
Халуга-эконом.

Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлагина,
Они в ней отъедались,
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городе.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлагине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.
Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,

Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

СОЛЕНАЯ

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, — души сильные
Зовут на честный путь.

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким идти?

Одна просторная
Дорога — торная.
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выпрепней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная,
Дорога честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного,
Стань в их ряды.

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет над русским юношей —

Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Прносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуту унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,

Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски-бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

И ношу твою облегчила судьба,
Сонутница дней славянина!
Еще ты в семействе покуда — раба,
Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг покошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, — бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается,—

Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем;
Всё спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Уздами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную,
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывались
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

«Плечами, грудью и спиной
 Тянул он барку бечевой,
 Полдневный зной его палил,
 И пот с него ручьями лил.
 И падал он, и вновь вставал,
 Хрипя, «дубинушку» стонал;
 До места барку дотянул
 И богатырским сном уснул
 И, в бане смыв поутру пот,
 Беспечно пристанью идет.
 Защиты в пояс три рубля.
 Остатком — медью — шевеля,
 Подумал миг, зашел в кабак
 И молча кинул на верстак
 Трудом добытые гроши
 И, выпив, крякнул от души,
 Перекрестил на церковь грудь:
 Пора и в путь! пора и в путь!
 Он бодро шел, жевал калач,
 В подарок нес жене кумач,
 Сестре платок, а для детей
 В сусальном золоте коней.
 Он шел домой — неблизкий путь,
 Дай бог дойти и отдохнуть!»

С бурлака мысли Гришины
 Ко всей Руси загадочной,
 К народу перешли.
 И долго Гриша берегом
 Бродил, волнуясь, думая,
 Покуда песней новою
 Не утолил натруженной,
 Горящей головы.

РУСЬ

Ты и убогая,
 Ты и обильная,
 Ты и могучая,
 Ты и бессильная,
 Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесь спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается
Жертва неправдою
Не вызывается —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

v

«Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая:—
Горячо сказалась правда в ней великая!
Завтра же спою ее вахлячкам — не всё же им
Песни петь, унылые... Помогай, о боже, им!

Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забытые...» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал: «божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалось, не спалось,
Краше прежней песенка в полусне слагалась;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!..

ПРИМЕЧАНИЯ

Н. А. НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич Некрасов родился 10 декабря 1821 года. Детство, проведенное в небогатой дворянской усадьбе, было безрадостным: деспот-отец, забытые крепостные слуги, мать, страдающая и униженная в доме развратника-мужа. Его детские впечатления воплотились в таких стихотворениях как «Родина», «Перед дождем», «В неведомой глуши», «Затворница».

Шестнадцатилетним юношей уехал он в Петербург и, вскоре лишившись материальной поддержки семьи, начал зарабатывать себе на жизнь литературным трудом.

Стихотворения поэта стали появляться в петербургских журналах, начиная с 1838 года. Однако не сразу нашел Некрасов «свою» тему и «свой» стиль. Вышедший в 1840 году его первый сборник стихов «Мечты и звуки» был отмечен явным подражанием поэтическому кумиру той поры В. Бенедиктову. В псевдоромантическом духе воспевал автор красоту «Гюльнары, гурии молодой» или рисовал мрачные картины непроходимого леса, где слышен «голодного ворона ропот». Несамостоятельность автора, отсутствие в его ранних поэтических опытах сколько-нибудь серьезной мысли были очевидны. «Посредственность в стихах нестерпима», — резюмировал свое резко отрицательное мнение о «Мечтах и звуках» В. Белинский (В. Г. Б е л и н с к и й, Полн. собр. соч., т. IV, М 1954, стр. 119). Некрасов быстро осознал и тяжело пережил свою неудачу; он вычеркнул эту книгу из своей жизни: скупил и уничтожил непроданные экземпляры.

В годы, следующие за выходом сборника, поэт выполнял огромное количество поденной литературной работы. Он печатал в петербургских журналах юмористические рассказы, водевили, литературные пародии, шуточные стихи, как правило под псевдонимами: Н. Перепельский, И. Пружинин, Иван Грибовников и др. Вспоминая об этих годах, он писал: «Господи! сколько я работал! Уму непостижимо,

сколько я работал, полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы...» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч и писем, т 12, М. 1953, стр. 23.)

Прошло немало времени, прежде чем Некрасов обрел свой собственный поэтический голос. Росту реалистических тенденций в его творчестве способствовали близкое знакомство с жизнью бедного петербургского люда, укрепление демократических идеалов поэта, осознание им социальных противоречий общества.

В сороковые годы в России все увеличивалось число крестьянских волнений. Крепостное состояние превратилось в «пороховой погреб» под «фасадной империей», как позже назвал Россию этих лет А. Герцен. В литературе рост народного, национального самосознания вызвал к жизни первые произведения «натуральной школы». Продолжая традиции Пушкина и Гоголя, писатели этого направления стремились отразить действительность как можно шире и полнее, стремились проникнуть в самые «низы» общества. Отстаивая демократизм и реализм в литературе, им приходилось вести борьбу и с натурализмом Ф. Булгарина и Н. Греча, и с вульгарным, мещанским романтизмом В. Бенедиктова и его подражателей, и с теорией «официальной народности» в литературе. Признанный глава передовой литературы Белинский требовал от художников слова реалистического отражения действительности, суда над нею. Основное достоинство русской литературы он усматривал в том, что «от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала ее своим героем, изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, М. 1955, стр. 388).

Демократизм и революционная настроенность статей Белинского оказали огромное воздействие на молодого поэта. Их творческий союз возник в совместной работе над альманахами. Две части «Физиологии Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846) стали событием в русской литературе. Произведения Некрасова, вошедшие в эти сборники — очерк «Петербургские углы» и стихотворения «В дороге», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть, что находит...», «Пьяница» — поставили его в ряд с лучшими передовыми писателями России, также участвовавшими в этих сборниках — Д. Григоровичем, И. Тургеневым, Ф. Достоевским, А. Герценом. Его поэзия получила всеобщее признание. По свидетельству И. Панаева, стихотворение Некрасова «Родина» привело Белинского в совершенный восторг, а услышав «В дороге», критик «бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, М. 1950, стр. 249.)

«Поворотом к правде» назвал Некрасов позднее этот период своей жизни. Эпигонский романтизм юношеских опытов, фельетонные зарисовки «Провинциального подъячего в Петербурге» сменились стихотворениями, где в полную силу проявилось подлинное дарование поэта.

Рисуя картины жизни городской бедноты, крестьянства («Пьяница», «Еду ли ночью по улице темной», «В дороге», «Псовая охота», «Перед дождем»), Некрасов показывал нечеловеческие условия существования, социальную трагедию нищеты, гневно протестовал против унижения человека. Его стихи этих лет были проникнуты стремлением подчеркнуть нравственную высоту человека из народа, его моральное превосходство над эксплуататорами. «Его теперешние стихотворения,— писал Белинский о Некрасове в декабре 1847 года,— тем выше, что он при своем замечательном таланте внес в них и мысль сознательную, и лучшую часть самого себя» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М. 1956, стр. 456). И действительно, уже в стихах середины сороковых годов со всей силой звучит негодование поэта против «сильных и сытых» земли и его сострадание, его сочувствие угнетенному человеку. В небольшом стихотворении 1848 года о молодой крестьянке, подвергаемой жестокому и позорному наказанию, он писал:

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал «Гляди!
Сестра твоя родная!»

(«Вчерашний день часу в шестом »)

Эти страстные слова о своем призвании, о своей музе, мог сказать только поэт, осознавший свое кровное единство с народом.

Прогрессивные убеждения Некрасова выразившиеся в острой критичности его стихотворений, в защите маленького человека в сатирическом обличении помещиков и чиновной знати, стали еще более очевидны после того, как он с 1847 года встал во главе «Современника» — самого передового журнала тех лет, собравшего лучшие силы русской литературы, идейным руководителем которого был В. Белинский.

С самого начала работы в «Современнике» Некрасов проявил замечательный редакторский талант. Он сумел объединить вокруг журнала большинство крупных писателей России. Только за один 1847 год в журнале были напечатаны: вторая часть романа «Кто виноват?» Герцена, «Необыкновенная история» Гончарова, первые рассказы Тургенева из «Записок охотника», «Антон Горемыка» Григоровича, с критическими статьями выступил М. Салтыков-Щедрин.

Царское правительство, напуганное революцией 1848 года в Европе, ввело неслыханные репрессии, цензура свирепствовала, был создан специальный «секретный цензурный комитет по делам печати», долженствовавший искоренить свободомыслие. Началось «мрачное семилетие» в истории России.

Репрессии были столь суровы, что с 1848 по 1855 год Некрасов имел возможность напечатать только полтора десятка стихотворений, причем большинство из них — лирические послания или стихи, которые сам поэт называл «юмористическими», где, однако, за внешней шутливостью скрывалось серьезное содержание. Примером может служить «Новый год» (1851).

А. Панаева вспоминала: «В 1848 году строгость цензуры дошла до того, что из шести повестей, назначенных в «Современник», ни одна не была пропущена» (А. Я. Панаева, Воспоминания, М. 1948, стр. 191). Чтобы хоть чем-нибудь заполнить страницы журнала, Некрасов вместе с Панаевой написал два обширные романа «Три страны света» (1848—1849) и «Мертвое озеро» (1851), — не придавая им сколько-нибудь серьезного значения.

Не было ни одного значительного произведения поэта, которое встретило бы цензурных препятствий «Боже мой, сколько великолепных вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!» — с горечью восклицал Добролюбов («Материалы для биографии Н. Добролюбова», М. 1890, стр. 534). «Написав, начну портить», — говорил сам поэт о своей поэме «Несчастные». Необходимость постоянной оглядки на цензуру приводила к тому, что Некрасов бывал вынужден переделывать свои поэтические творения, опускать части текста или ставить умышленно неверные даты, чтобы затемнить обличительный смысл стихотворения.

Но и в этот мрачный период руководимый Некрасовым «Современник» продолжал быть центром передовой мысли, к нему тянулись все прогрессивные писатели России. Замечательное редакторское чутье Некрасова помогало ему быстро распознавать молодые таланты. В никому дотоле неизвестном авторе, приславшем ему рукопись «Детства», он разгадал огромное дарование. Отвечая Л. Толстому, Некрасов писал «Я прочел вашу рукопись («Детство»). Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю... Направление автора, простота и действительность содержания составляют неотъемлемое достоинство этого произведения» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 10, М. 1952, стр. 176). Так же быстро почувствовал Некрасов значительность и силу критического дарования Н. Чернышевского, когда тот в 1854 году начинающим журналистом появился в редакции.

Поражение царского правительства в Крымской войне, столь явно

показавшее всю гнилость крепостного режима, разбудило народ, в стране начала складываться революционная ситуация.

Появилась возможность несколько шире и свободнее говорить в печати о своих идеалах, и Некрасов сумел провести через цензуру сборник стихотворений. Он открыл его «Поэтом и гражданином» (1856). Это стихотворение стало творческим манифестом поэта. Устами гражданина Некрасов призывал служителей искусства идти в «огонь за честь отчизны».

Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Жить и творить «для блага ближнего», на благо общества и народа, по глубокому убеждению Некрасова, обязан не только поэт, но и всякий человек. Эта мысль легла в основу таких произведений середины пятидесятых годов как «Саша» и «Белинский».

В условиях растущего возмущения народа дума о его революционных возможностях все больше и больше волновала Некрасова. Прямым призывом освободиться от ига эксплуататоров прозвучало обращение к русскому народу в стихотворении «На Волге»:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Но поэт видел слабость народа, его забитость и пассивность. Видел, что, несмотря на рост числа крестьянских волнений, они остаются разрозненными и стихийными. В заключительных строках «Размышления у парадного подъезда»:

Ты проснешься исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..—

он прямо высказывал сомнения в способности народа самому добиться освобождения.

В феврале 1861 года было отменено крепостное право. О впечатлении, которое произвел царский манифест на Некрасова, рассказывал Чернышевский: «При моем входе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: «Так вот что такое эта «воля». Вот что такое она!» — Он продолжал говорить в таком же тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: «А вы чего же ждали? Давно было ясно, что будет именно это». — «Нет, этого я не ожидал», — отвечал он и стал говорить».

что, разумеется, ничего особенного он не ждал, но такое решение дела далеко превзошло его предположения» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, М. 1939, стр. 747).

Либеральная часть русского общества с восторгом приняла реформу, славословиям не было конца. Передовые люди страны, стоявшие на революционно-демократических позициях, прекрасно понимали истинный смысл этого лицемерного «освобождения» и встретили реформу, по выражению В. И. Ленина, «проклятием молчания». В «Современнике» было только перепечатано правительственное постановление (это явилось вынужденной уступкой), но не было сказано о нем ни одного слова, что достаточно ясно говорило о позиции редактора. От Некрасова отшатнулось большинство либерально настроенных писателей. Начавшееся после прихода в журнал Чернышевского и Добролюбова размежевание либералов и революционеров-демократов в редакции «Современника», выразившееся в уходе Дружинина, Толстого, Григоровича, завершилось в 1861 году, когда от участия в журнале отстранился старый друг Некрасова — Тургенев.

Это размежевание привело к еще большему укреплению союза Некрасова с Чернышевским и Добролюбовым. С 1860 года начал регулярно печататься в журнале М. Салтыков-Щедрин. Постоянными сотрудниками стали Н. Успенский, В. Слепцов, Ф. Решетников, Н. Помяловский. Такое сплочение писателей-демократов вокруг революционного ядра «Современника» испугало правительство. В июне 1862 года Некрасов был извещен, что издание «Современника» приостановлено на восемь месяцев. Вместе с репрессиями против журнала происходили аресты его главных участников. Был арестован и осужден на каторжные работы поэт М. Михайлов, в июле 1862 года — Н. Чернышевский. Некрасов добился возобновления журнала в марте 1863 года и с первого же номера начал печатать написанный Чернышевским в Петропавловской крепости роман «Что делать?». Весной 1866 года стало ясно, что правительство готовится запретить журнал. И поэт не выдержал. Предчувствуя беду и пытаясь предотвратить ее, он на одном из торжественных обедов, которые давались тогда в честь М. Н. Муравьева, призванного правительством искоренить крамолу и свободомыслие, произнес мадригал, посвященный этому душителю свободы. Текст этой «муравьевской оды» до нас не дошел, поэтому мы не можем судить, в какой мере справедливы нападки, которые обрушились на поэта. Он сам очень тяжело это переживал.

Ликует враг, молчит в недоуменье
Вчерашний друг...

(«Ликует враг...», 1866)

Именно такие случаи имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества: но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся* в них,

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры *звук неверный* исторгала
Моя рука...

«*Неверный звук*» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи (В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 18, стр. 286). «Ода» не помогла. В июне 1866 года «Современник» был запрещен «ввиду вредного .. направления».

Но среди этих журнальных и личных неприятностей снова и снова обращался Некрасов мыслью к русскому народу. В шестидесятые годы он создал свои замечательные поэмы «Коробейники» (1861), «Мороз, Красный нос» (1863), «Орина, мать солдатская» (1863), «Железная дорога» (1864).

В поэмах Некрасов рисовал обычные картины деревенской жизни. С необыкновенной реалистической полнотой и убедительностью воссоздал он мир русского крестьянства. Суровая правда о нищете народа, о его бесправии звучала в них. Большинство произведений Некрасова о народе, предшествовавших этим поэмам, было обращено им к читателю-демократу. «Коробейники». «Мороз, Красный нос» и «Орина, мать солдатская» были адресованы непосредственно самим героям этих произведений, русским крестьянам. Мастерски применяя фольклорные приемы, Некрасов создал произведения, удивительно близкие народному духу. И недаром начало «Коробейников», как и многие другие стихотворения поэта, стали излюбленными песнями

Замечательной чертой творчества Некрасова была его теснейшая связь с современностью, живой отклик находили в его поэзии новые, нарождающиеся явления. В шестидесятые годы в России все шире начали развиваться капиталистические отношения. Картинами жестокой эксплуатации народа полна поэма «Железная дорога». Нечеловеческие условия труда, гибель массы народа, усеявшего своими костями железнодорожную насыпь — результат хозяйничанья новоявленных эксплуататоров В «Железной дороге» Некрасов противопоставил народ его угнетателям. Генерал, самодовольно клевещущий на народ, «грамотей-десятники», «почетный лабазник толстый, присадистый, красный как медь» — все непосредственные виновники народных страданий обрисованы поэтом в иронических или сатирических тонах.

Обличительная, сатирическая тенденция в его творчестве присутствовала постоянно. Уже первое его зрелое стихотворение, самое раннее из включавшихся им в свои сборники, «Современная ода» (1845) — было сатирическим. И после этого «сильные и сытые земли» не раз вызвали гневные филиппики поэта. Небывалой силы и широты сатирического обобщения достиг Некрасов в своей поэме «Современники» (1875).

Перед читателем проходит целая вереница гротескных фигур. Всех «юбиляров и триумфаторов», «героев времени», всю эту пеструю ликующую толпу объединяет ненависть к народу, стремление нажиться за его счет. Кошмарным, фантастическим сном кажутся эти чудовищные фигуры. И вместе с тем, создавая этот паноптикум уродов и ничтожеств, Некрасов только концентрировал уродства жизни столичных «верхов» «Поэма поразила меня своею силою и правдою», — писал Некрасову Салтыков-Щедрин (М. Е. Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. 18, М. 1937, стр. 338).

Вершиной творчества Некрасова стала его знаменитая поэма «Кому на Руси жить хорошо», начатая еще в 1863 году. По словам Г. Успенского, Некрасов «...много думал над этим произведением, надеясь создать в нем «народную книгу», то есть книгу, полезную, понятную народу и правдивую. В эту книгу должен был войти весь опыт, данный Николаю Алексеевичу изучением народа, все сведения о нем, накопленные по собственным словам Николая Алексеевича «по словечку» в течение двадцати лет» («На память о Н. А. Некрасове», СПб. 1878, стр. 56—57).

В течение многих лет работы над этой поэмой существенно менялся ее замысел. Сначала поэт намеревался провести своих героев по городам и селам Руси и рассказать об их встречах с помещиком, чиновником, попом, купцом, «министром государевым» и, наконец, с царем. Первая часть, где странники встречаются с помещиком и попом, была закончена в 1865 году. Вновь же возвратился Некрасов к своему замыслу лишь в семидесятые годы.

Теперь уже он стремился шире показать силы, которые принесут освобождение народу. В 1872 году был написан «Последыш», в 1873 — «Крестьянка», в 1876—1877 годах — «Пир на весь мир». Смерть настигла поэта в самый разгар работы. «...Если б еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ее конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала», — говорил Некрасов, как свидетельствует один из современников («На память о Некрасове», СПб. 1878, стр. 47).

В поэме Некрасов задумал показать жизнь народа с точки зрения самого народа. В одном из черновых набросков к «Крестьянке» есть такие строки:

Сладка ли жизнь крестьянина?
Трудом своим не пользуйся,
Обиды не оплачивай,
А не стерпел ее —
В острог, под плетн, в каторгу!

В этих словах — ключ к идейному замыслу поэмы: нет счастья крестьянину. Сюжет поэмы давал Некрасову богатейшую возможность нарисовать широкую картину жизни России, и поэма действительно стала энциклопедией народной жизни пореформенной Руси.

Вся поэма полна картинками разорения народа. Но тяготы жизни, нищета и подневольное существование не сломили его. Рассказ Некрасова о пореформенном крестьянстве пропизан скрытыми и явными намеками на зреющее возмущение народа. О крестьянских бунтах вспоминает помещик Оболт-Оболдуев, о бунте вотчины «помещика Обрубкова Испуганной губернии» рассказывает поп в главе «Сельская ярмарка». Одним из главных героев поэмы стал Савелин «богатырь святорусский», «богатырь сермяжный». «Клейменный, а не раб», — гордо говорит он о себе, и это, пожалуй, единственный из встретившихся семерым сграницам крестьян, который мог бы сказать, что он изведal в жизни счастье.

В протесте, в борьбе с угнетателями народа — счастье. Эта мысль легла в основу последней части поэмы — «Пир на весь мир». Григорий Добросклонов — сознательно ставший на путь борьбы за освобождение народа революционер — единственный подлинно счастливый человек в поэме. «Народным заступником» назвал его поэт, в нем воплотились черты русского революционера-демократа. Несмотря на то что Некрасов многое затушевал, многое смягчил, а многое просто удалил из этой части поэмы, ее революционная направленность и широта социальных обобщений вызвали крайнее раздражение у цензоров. «Пир на весь мир» был вырван из уже отпечатанного ноябрьского номера «Отечественных записок» за 1876 год. Попытка Некрасова напечатать его в другом номере журнала тоже не привела к успеху.

Умер Некрасов 8 января 1878 года (по новому стилю), так и не увидев «Пир на весь мир» напечатанным. Он появился только спустя три года после смерти поэта в обезображенном цензурой виде. «Пир на весь мир» стал поэтическим завещанием Некрасова, и образ Гриши Добросклонова явился призывом поэта к русской молодежи — служить великому делу освобождения народа от оков деспотизма, которому сам поэт отдал всю жизнь.

Некрасов вошел в историю литературы как величайший поэт русской революционной демократии. Все его творчество было служением русскому народу, и русское общество высоко оценило великий подвиг поэта «На вас надеется каждый порядочный человек у нас в России»,— писал ему Чернышевский (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 14, М. 1949, стр. 325). О громадном воспитательном и революционизирующем значении стихов Некрасова вспоминали Г. Плеханов, В. Фигнер, М. Ольминский. «На Некрасове целое поколение революционеров училось»,—говорил В. И. Ленин («Ленин о литературе и искусстве», Гослитиздат, М. 1957, стр. 622).

А. Козловский

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «Ах, были счастливые годы!» — 1, 73
 «Ах, что изгнание, заточенье!»
 (Три элегии) — 2, 242
- Балет — 2, 53
 Баюшки-баю — 2, 311
 «Безвестен я. Я вами не стяжал...» — 1, 97
 Белинский В. Г. — 1, 134
 «Белый день недолог...» — 2, 452
 «Благодарение господу богу...» — 1, 315
 «Блажен незлобивый поэт...» — 1, 58
 Бунт — 2, 321
 Буря — 1, 88
 «Бьешься сердце беспокойное...»
 (Три элегии) — 2, 243
- «Вам, мой дар ценившим и любившим...» — 2, 298
 В больнице — 1, 142
 В деревне — 1, 75
 В дороге — 1, 10
 «Великое чувство! у каждого дверей...» — 2, 314
 «Весь пыткой нравственной измятый...» — 2, 456
 Вино — 1, 46
 Влас — 1, 92
 Влюбленному — 1, 154
 «В неведомой глуши, в деревне полудикой...» — 1, 38
 «Внимая ужасам войны...» — 1, 150
- Возвращение — 2, 15
 «В полном разгаре страда деревенская...» — 1, 307
 «Всевышний волею Зевеса...» — 2, 421
 «В столицах шум, гремят витии...» — 1, 199
 Вступительное слово «Свистка» к читателям — 2, 431
 Вступление к песням 1876—1877 годов — 2, 286
 «Вчерашний день, часу в шестом...» — 1, 49
 Выбор — 2, 106
- Гадающей невесте — 1, 146
 Газетная — 2, 27
 «Где твоё личико смуглое...» — 1, 152
 Гимн (Песни) — 2, 69
 Говорун — 2, 327
 Горе старого Наума — 2, 270
 Горящие письма — 2, 300
- «Давно — отвергнутый тобою...» — 1, 102
 «Да, наша жизнь текла мятежно...» — 1, 51
 20 ноября, 1861 — 1, 292
 Дедушка — 2, 130
 Деловой разговор — 2, 367
 Демону — 1, 147
 Деревенские новости — 1, 245
 Детство — 2, 234
 Дешевая покупка — 1, 293

«Дни идут... Все также воздух
душен...» — 2, 296

Дома — лучше!.. — 2, 128

Дружеская переписка Москвы с
Петербургом — 2, 383

Друзьям — 2, 290

Дума — 1, 270

«Душа мрачна, мечты мои уны-
лы...» (Последние элегии) — 1,
127

«Душно! без счастья и воли...» — 2,
127

«Еду ли ночью по улице тем-
ной...» — 1, 43

«Если, мучимый страстью мятеж-
ной...» — 1, 42

«Если ты красоте поклоняешь-
ся...» — 2, 451

«Есть и Руси чем гордиться...» —
2, 297

«Еще скончался честный чело-
век...» — 2, 419

Еще тройка — 2, 72

Железная дорога — 2, 7

Забывшая деревня — 1, 148

За городом — 1, 74

«За желанье свободы народу...» —
2, 454

«Замолкни, Муза мести и печа-
ли!..» — 1, 153

Застенчивость — 1, 62

Затворница — 2, 448

«Зачем меня на части рвете...» — 2,
104

«Зачем насмешливо ревнуешь...» —
2, 413

Зеленый шум — 1, 303

Зине («Двести уж дней...») — 2, 294

Зине («Пододвинь перо, бумагу,
книжки») — 2, 310

Зине («Ты еще на жизнь имеешь
право...») — 2, 292

Знахарка — 1, 234

«И будем жить мы просто, пошло
даже...» — 2, 454

Из автобиографии генерал-лей-
тенанта Федора Илларионо-
вича Рудометова 2-го, уволен-

ного в числе прочих в 1857 го-
ду — 2, 391

Извозчик — 1, 124

«Имени и роду...» — 2, 447

«Из «Песен о свободном слове» —
2, 440

«Из поэмы «Мать» — 2, 301

«Из поэмы «Тишина» — 2, 420

«Из поэмы «Унынье» — 2, 443

«Из сатиры «Недавнее время» —
2, 438

«И на меня, угрюмого, больно-
го...» — 2, 419

«И скучно, и грустно...» — 2, 409

Из «Современников» — 3, 66

«И тихой женщины какой-
то...» — 2, 456

Как празднуют трусу — 2, 284

«Как ты кротка, как ты послуш-
на...» — 1, 157

Калистрат — 1, 312

Карегя — 2, 413

Катерина (Песни) — 2, 66

Княгиня — 1, 155

Княгиня М. И. Волконская (Рус-
ские женщины) — 2, 195

Княгиня Трубецкая (Русские жен-
щины) — 2, 170

«Когда горит в твоей крови...» — 2,
411

«Когда из мрака заблуж-
денья...» — 1, 20

Колыбельная песня — 1, 16

Кому на Руси жить хорошо — 3,
73

Коробейники — 1, 272

К портрету *** («Развенчан нами
сей кумир») — 2, 453

К портрету ** («Твои права на
славу очень хрупки...») — 2, 453

Крестыанские дети — 1, 258

Крузе Н. Ф. — 1, 207

«Кто долго так способен был...» —
2, 418

Кузнец — 2, 442

Кумушки — 1, 309

«Ликует враг, молчит в недо-
уменье...» — 2, 64

«Литература с трескучими фра-
зами...» — 1, 302

Литературная травля, или «Не в
свои сани не садись» — 2, 389

Мать — 2, 125
 Маша — 1, 95
 Мое желание — 2, 435
 Мое разочарование — 2, 364
 Молебен — 2, 289
 Молодые лошади — 2, 322
 Молодые (Песни) — 2, 67
 Мороз, Красный нос — 1, 321
 Муж и жена — 2, 324
 Муза («Нет, Музы ласково пою-
 щей и прекрасной...») — 1, 60
 Музе («О Муза! наша песня спе-
 та...») — 2, 291
 Мысли журналиста — 2, 425
 «Мы с тобой бестолковые лю-
 ди...» — 1, 57

На Волге — 1, 236
 «Надрывается сердце от му-
 ки...» — 1, 311
 Над чем мы смеемся — 2, 247
 Накануне светлого праздника — 2,
 238
 «Наконец не горит уже лес...» — 2,
 129
 На покосе — 2, 442
 На псарне — 1, 244
 На родине — 1, 151
 На смерть Шевченко — 1, 251
 На улице — 1, 55
 Начало поэмы — 2, 16
 «Не гордись, что в цветущие ле-
 та...» — 2, 418
 Недавнее время — 2, 150
 «Не за Якова Ростовцева...» — 2,
 443
 «Не знаю, как созданы люди дру-
 гие...» — 2, 417
 «Не рыдай так безумно над ним» —
 2, 126
 Несжатая полоса — 1, 89
 «Несчастные» — 1, 175
 Новости — 2, 358
 Новый год — 2, 377
 «Но любя, свое сердце
 товь...» — 2, 454
 Ночлеги — 2, 251
 «Ночь. Успели мы всем насладить-
 ся...» — 1, 212
 Нравственный человек — 1, 40
 — ну — 2, 445
 «...одиноким, потерянным...» — 1,
 253

Огородник — 1, 22
 «О Муза! я у двери гроба!» — 2,
 320
 «О письма женщины нам милой!» —
 1, 64
 О погоде. Часть первая — 1, 216
 О погоде. Часть вторая — 2, 18
 «О пошлость и рутина — два ги-
 ганта...» — 2, 419
 Орина, мать солдатская — 1, 317
 Осень — 2, 318
 «О сердце бедное мое!» — 2, 419
 «Отрадно видеть, что нахо-
 дят...» — 1, 15
 Отрывки из путевых записок гра-
 фа Гаранского — 1, 84
 Отрывок («Родился я в губер-
 нии...») — 2, 354
 Отрывок («...Я сбросила мертвя-
 щие оковы...») — 2, 315
 Отъезжающему — 2, 268

Памяти <Асенков>ой — 1, 121
 Памяти Добролюбова — 2, 12
 Памяти приятеля — 1, 78
 Папаша — 2, 426
 Первый шаг в Европу — 2, 387
 Перед дождем — 1, 25
 Перед зеркалом — 2, 379
 Песни — 2, 65
 I. «У людей-то в долгу — чисто-
 та, лепота...» — 65
 II. Катерина — 66
 III. Молодые — 67
 IV. Сват и жених — 67
 V. Гимн — 69

Песни о свободном слове — 2, 36
 Песнь Марии — 2, 405
 Песня («Всюду с музой проникаю-
 щий...») — 2, 244
 Песня Еремушке — 1, 213
 Песня об «Аргусе» — 2, 393
 Песня о труде — 2, 93
 Песня («Отпусти меня род-
 ная...») — 2, 91
 Письма — 2, 416
 Плач детей — 1, 249
 «Поверхностная, глупая насмеш-
 ка...» — 2, 455
 Подражание Шиллеру — 2, 326
 Сущность — 326
 Форма — 326
 Пожарище — 1, 313

«Поражена потерей невозврат-
ной...» — 1, 99
Портреты — 2, 405
Последние элегии — 1, 127
«Душа мрачна, мечты мои уны-
лы...» — 127
«Я рано встал, недолги были
сборы...» — 128
«Пышна в разливе гордая ре-
ка...» — 128
Похороны — 1, 255
Поэт и гражданин — 1, 164
Поэту («Где вы — певцы любви,
свободы, мира...») — 2, 282
Поэту («Любовь и труд — под
грудами развалин!») — 2, 299
«Праздник жизни — молодости го-
ды...» — 1, 98
Праздному юноше — 2, 323
Прекрасная партия — 1, 65
Приговор — 2, 295
Признания труженика — 2, 380
Приметы — 2, 452
Притча о Ермолае грудящемся —
2, 14
Притча о «Киселе» — 2, 399
«Пробил час!.. Не скажу, чтоб
с охотой...» — 2, 412
Прости — 1, 174
Прощанье — 2, 416
Псовая охота — 1, 30
«Пускай, мечтатели осмеяны дав-
но...» — 1, 19
«Пускай чуть слышен голос
твой...» — 2, 448
Путешественник — 2, 249
Пьяница — 1, 13
«Пышна в разливе гордая река...»
(Последние элегии) — 1, 128
«Разбиты все привязанности, ра-
зум...» (Три элегии) — 2, 244
Размышления у парадного подъез-
да — 1, 208
Родина — 1, 26
Русские женщины — 2, 170
Княгиня Трубецкая — 170
Княгиня М. Н. Волконская —
195
Русскому писателю — 2, 415
Рыцарь на час — 1, 296
Салтыкову М. Е. — 2, 283
«Самодовольных болтунов...» — 1,
162

Саша — 1, 103
Свадьба — 1, 100
Сват и жених (Песни) — 2, 67
Свобода — 1, 254
Секрет — 1, 139
«Семьдесят лет бессознательно
жил...» — 2, 418
Сеятелям — 2, 288
«Скоро приметы мои хоро-
ши!..» — 2, 451
«Скоро стану добычею тленья...» —
2, 293
Слезы и нервы — 1, 268
«Смолкли честные, доблестно пав-
шие...» — 2, 267
Современники — 3, 7
Современная ода — 1, 9
Сон — 2, 319
«Спрашивал я у людей...» — 2,
454
С работы — 2, 124
Старики — 2, 411
Старость — 2, 316
Старушке — 2, 409
«Стихи мои! Свидетели жи-
вые...» — 1, 206
Стихотворения, посвященные рус-
ским детям — 2, 96
I. Дедушка Яков — 96
II. Пчелы — 99
III. Генерал Топтыгин — 100
Стихотворения, посвященные рус-
ским детям — 2, 143
I Дедушка Мазай и зайцы —
143
II. Соловьи — 147
«Стишки! стишки! давно ль и я
был гений?..» — 2, 356
Страшный год — 2, 265
Суд — 2, 109
Сущность (Подражание Шилле-
ру) — 2, 326
Сцены из лирической комедии
«Медвежья охота» — 2, 74
«Так запой, поэт! Чтобы всем ма-
терям...» — 2, 451
«Так служба! сам ты в той
войне...» — 2, 410
«Так умереть? Ты мне ска-
зала...» — 2, 456
«Так это шутка? Милая моя...» —
1, 53
Тишина — 1, 200

Три элегии — 2, 242

I. «Ах! что изгнание, зато-
чение!» — 242

II «Бьется сердце беспокой-
ное...» — 243

III «Разбиты все привязанно-
сти, разум » — 244

Гройка — 1, 28

Т<ургене>ву («Мы вышли вместе...
Наобум...») — 2, 446

Т<ургене>ву («Прощай! Завидую
тебе ») — 1, 173

«Ты всегда хороша несравнен-
но...» — 1, 45

«Ты как поденщик выходил...» —
1, 266

«Ты меня отослала далеко...» —
2, 417

Ты не забыта — 2, 317

«Тяжелый год — сломил меня не-
дуг...» — 1, 133

«Тяжелый крест достался ей на
долю...» — 1, 131

Убогая и парядная — 1, 229

«Угомонись, моя муза задор-
ная..» — 2, 444

«У людей-то в дому чистота, лепот-
та » (Песни) — 2, 65

«Умру я скоро Жалкое наслед-
ство...» — 2, 70

Уныние — 2, 259

«Устал я, устал я.. мне время
уснуть!» — 2, 451

Утро — 2, 245

«Фантазии недремлющей моей..» —
2, 418

Филантроп — 1, 79

Финансовые соображения — 2, 422

Форма (Подражание Шиллеру) —
2, 326

Человек сороковых годов — 2, 95
<Чернильница> — 2, 437

«Черный день! как нищий просит
хлеба..» — 2, 313

Чернышевский Н Г — 2, 269

14 июня 1854 года — 2, 415

Чиновник — 2, 348

Что думает старуха, когда ей не
спится — 1, 305

«Что ни год уменьшаются си-
лы...» — 1, 252

Что нового? — 2, 453

«Что ты, сердце мое, расходило-
ся?..» — 1, 233

«Чуть-чуть не говоря. «Ты сущая
ничтожность!» — 1, 130

Школьник — 1, 158

Элегия («Пускай нам говорит
изменчивая мода...») — 2, 280

<Эпилóg поэмы «Мороз, Красный
нос»> — 2, 436

Эпитафия («Зимой играл в картиш-
ки...») — 2, 454

Эй, Иван! — 2, 120

«Явно родственны с землею...» —
2, 398

«Я за то глубоко презираю се-
бя...» — 1, 18

«Я не люблю иронии твоей..» —
1, 50

«Я посетил твое кладбище...» —
1, 160

«Я рано встал, недолги были сбо-
ры...» (Последние элегии) — 1,
128

«Я сегодня так грустно настро-
ен...» — 1, 91

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Современники	
Часть первая. Юбиляры и триумфаторы	7
Часть вторая. Герои времени	22
Из «Современников»	
1. Литератор	66
2. Новый губернатор	67
3. «Воешный пир... военный спор»	67
4. «Председатель Казенной Палаты...»	68
5. «Послушайте — не много ль...»	68
6. «Здравствуй, умная головка!..»	69
7. Дворянские скорби и радости	69
8. «Теперь о воспитанье... Я...»	71
Кому на Руси жить хорошо	
Часть первая	73
Крестьянка	152
Поседыш	221
Пир — на весь мир	256
Примечания	307
Алфавитный указатель произведений	317

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ

Сочинения, т. 3

Редактор *В. Волина*
Худож. редактор *И. Жихарев*
Технич. редактор *Г. Каунина*
Корректоры
Л. Борец и Г. Тихомирова

Сдано в набор 14/XI—1958 г.
Подписано к печати 25/XII—1958 г.
Бумага 60×92_{1/8}=20,25 печ. л.
17,38 уч.-изд. л.
Тираж 1-ого завода 150.000 экз.
Цена 5 р. 50 к. Заказ № 2463.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Н.-Басманная, 19.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

